

The background of the poster is a lush autumn forest with trees in shades of orange, yellow, and brown. A stone castle or tower is visible in the distance through the trees. Two women stand in the center, facing slightly to the right. The woman on the left wears a long, light-colored, laced-up dress and holds a mandolin. The woman on the right wears a white button-down shirt and dark jeans, holding an acoustic guitar. The overall mood is nostalgic and artistic.

ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА

ГОРОД
НАДЕЖДЫ

ЭХО ЗАБЫТЫХ МЕЛОДИЙ

Юлия Александровна Лавряшина

Город надежды

Серия «Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74495531

Город надежды: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-254659-4

Аннотация

Искренний роман о втором шансе, исцелении души и любви, которая не требует ничего взамен.

Иногда одна песня способна спасти жизнь. Именно так произошло с Асей, сумевшей победить зависимость благодаря творчеству Ильи Романова. Теперь помощь нужна уже ему самому. Но сможет ли человек, привыкший вдохновлять других, принять чужую поддержку?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	44
Глава 4	68
Глава 5	86
Глава 6	101
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Юлия Лавряшина

Город надежды

© Лавряшина Ю., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*** * ***

Глава 1

Удастся ли мне объяснить вам? Достанет ли сил вытянуть из себя все жилы, чтобы сплести непростой узор своей любви? Оказалось ли это под силу хоть кому-нибудь из людей? Когда мы твердим, будто некие стихи или история переполнены болью, разве имеем хоть малейшее представление о том, что на самом деле творилось в душе у человека, их написавшего?

Слова разжижают чувство. Ты можешь кричать на весь свет, раздирая горло: «Мне больно! Мне так больно! Невыносимо!» Все равно отсвет в чужой душе окажется унизительно бледен... И тебе захочется стереть его, замазать белой, черной, любой краской, лишь бы спрятать от посторонних глаз жалкий отпечаток своей великой боли.

Может, я сделаю из этой рукописи бумажных голубей и пушу их по ветру... Моя любовь одолеет каких-нибудь два метра – туда, к нему! – и ткнется носом в пыльную обочину дороги. Чем дальше я буду писать, тем больше накопится пыли, ведь с наших улиц исчезают деревья. Маленькие города остаются за поворотом эпохи, как и маленькие люди вроде меня. Путь продолжают сильные и решительные, а мы незаметно умираем вместе с городком, который по своим меркам так же далек от старости, как и я. И тоже страдает молча, продолжая улыбаться утренними окнами, в которых

никто не видит режущей взгляд мольбы: «Мне так больно! Помогите...»

Помогите же мне! Вы – для которых я писала песни. Вы – вторившие им с зачарованными лицами. Вы – упивавшиеся моей болью. Я дарила вам острую радость и светлые слезы. Но я не могу больше... Я сгорела в собственном огне, потому что никто не разделил его со мной. Впрочем, к чему вам было делать это? Самое пронзительное удовольствие люди получают, наблюдая, как сгорает душа художника. И мне этого не изменить...

Он тоже не захотел ничего менять. Главная трагедия человечества проста: желания людей не всегда совпадают. На слух это даже пошло – он не захотел меня. И потому я плету из собственных жил нечто, на чем впору повеситься, ведь каждый изгиб пропитан многовековой прочностью. Все истории на свете так стары, что должны были наскучить, но куда там! Каждому его собственная кажется свежей и сочащейся горячей болью, точно едва полученная рана. Моей уже год, а она дымится паром, как в первый день.

Впрочем, поначалу это была всего лишь ссадина, которой я и сама не придавала значения. Легкая боль даже забавляет: «Надо же! Все еще чувствуется». Я и не сомневалась, что через пару дней ранка затянется и забудется.

Недели и месяцы сыпались крупинками соли и разъедали ее, разъедали до тех пор, пока она не поглотила мое тело целиком. Это не самое страшное. Зачем мне тело, если он его

не захотел? Кому оно может понадобиться? Только не мне.

Моя мечта проста, как все мечты:
Я так хочу однажды не проснуться,
Чтоб наконец-то с болью разминуться,
Что у рассветной ждет меня черты.
В моей мечте всего две буквы: он.
И это все, на что дыханья хватит,
Когда холщовое надену платье
И в нем нырну я в свой заветный сон.
Он не увидит, что чуть-чуть темней
Восход на голубой его планете...
Когда ты свет, то можешь не заметить,
Что в целом свете больше нет людей.
Мне обещали, что настанет час
(Но вот когда – я так и не узнала!):
Мы жизнь свою опять начнем сначала,
И все иначе сложится для нас.

Он. Кто – он? Что – он? Бывает ли в действительности нечто уникальное в людях, которые сводят других с ума? Или это лишь особенность взгляда, на них обращенного? Человек, о котором идет речь, прожил на свете сорок с лишним лет до того момента, как я увидела его, и тысячи людей устремляли на него взгляд, но только к двоим он вернулся бумерангом, нацеленным в сердце, – ко мне и его жене.

Вот и все, правда? Загадка не стоила выеденного яйца: он женат, и ему это нравится. Он женился не по расчету и не

по необходимости, а как только и мог человек, способный свести меня с ума, – по любви.

Его имя Илья, которое значит «мой бог», говорит больше, чем я могу объяснить другими словами. А в фамилии слышится великая обреченность – Романов. Вот вы и догадались! Хотя я еще не сказала главного: он – одно из самых ярких явлений авторской песни, которой пытаюсь заниматься и я. В наших кругах его называют «живой легендой».

Да ведь вы знаете это! Мы одного рода-племени и с юности вместе заслушивались его песнями. Я даже подбирала их на гитаре, дуя на стертые струнами пальцы. Собственная песня родилась у меня всего год назад. Я прочла ее в глазах Ильи. Вы помните его глаза?

Мои верные зрители, я – та, которую вы любите и к словам которой прислушиваетесь, – порождение Ильи Романова. Он существовал и до меня, а я родилась, как причудливое растение, отпочковавшееся от его песни. Какой? Этого я не помню. Я слышала и помнила наизусть множество их к тому времени, когда впервые увидела его. Не вживую. Он взглянул на меня с экрана телевизора, и я почувствовала себя обманутой. Разве этот упивающийся успехом человек может быть тем самым Ильей Романовым, от песен которого у меня разрывалось сердце?!

Я была разочарована и оскорблена. То, как он игриво по-блескивал глазами, обращаясь к публике, сверкал улыбкой и плавно поводил руками, казалось мне отвратительным. Сто-

ило закончиться песне, как в красивой линии его рта проступало таившееся в душе Ильи высокомерие. Потом я поняла: показная надменность была своего рода самозащитой от недоброго отношения. Илья стремился опередить еще ни разу не родившийся в зале свист и всем видом дать понять, что ему глубоко наплевать на наше к нему отношение.

Но в тот день я еще не догадалась об этом, и потому Илья Романов показался мне вполне счастливым и довольным жизнью человеком. А в его песнях звенело одиночество ребенка, которого никто не понимает и не любит.

«Он обманывает меня!» – Я плакала, оттолкнув гитару, а он вдруг взял свою и опять посмотрел с экрана прямо на меня. Этот взгляд был мимолетным, едва уловимым, может быть, никто и не заметил его, кроме меня. Но я захлебнулась его выдержанной годами горечью. Я увидела глаза того самого человека, который проступал в моем воображении из песен. И стало ясно, что обманывал-то он, пытаюсь выглядеть благополучным и счастливым.

Не верьте тому, будто маленькая ложь непременно перерастает в большую. Мое несчастье как раз и заключается в его невозможности солгать в главном. Ему легче остановить свое сердце, чем позволить ему издать неверный звук.

Я опять говорю не то, что думаю на самом деле... В природе не бывает неверных звуков. Они могут оказаться негармоничны по отношению друг к другу, но каждый в отдельности имеет право на существование. Как и любой человек.

Даже самая отвратительная личность создается окружением. Если бы Адольф Гитлер вырос в оазисе среди пустыни и со дня рождения не видел бы ни одного человека, из него не получился бы убийца мирового масштаба. Ненависть не бывает беспредметна. В самом зародыше она уже вектор, ее острие нацелено на кого-то... Акушерку? Изготовителя молочных смесей? Мать, не дающую грудь, потому что ее форма важнее, чем естественный голод новорожденного существа? Мало кому удастся вспомнить, в какой момент лопнула почка, содержащая росток ненависти...

Так же размыта, поглощена бесконечностью и точка отсчета любви. Я купалась в этом чувстве с младенчества. Видимо, в нем я в конце концов и утону, так и не взобравшись на неприступную вершину, которая зовется Ильей Романовым. В детстве волны любви были теплыми, это сейчас от них порой сводит ноги, и тогда я начинаю кричать, захлебываясь болью и страхом: «Помогите мне! Помогите... Вы, говорившие, что любите меня...»

Мне повезло с детством, тогда не было пасмурных дней. По крайней мере, я их не помню. Белые створчатые двери нашей с сестрой детской сияли ледяными зеркалами, а, распахиваясь, не больно слепили глаза острыми вспышками. Белый был единственно возможным цветом, в котором наши с Мариной родители, врачи, могли существовать естественно. Мама и одевалась чаще всего в белое, и рассыпала по плечам снежные пряди. Даже демисезонные пальто покупались

только светлыми, менялся лишь фасон. По нашему грязному городку, где брызги из-под колес разлетались огромными бурыми веерами, мама несла себя как вызов унынию, ставшему будничным для всех, кроме нее.

И кроме отца, конечно. Он не ходил в белом вне больничных стен, но отец сам был протест, вызов, призыв. По утрам именно он распахивал двери в нашу комнату и кричал молодым зычным голосом: «Вставайте, девицы! Читайте классику!» И мы читали. Марину чтение так увлекло, что она сделала это занятием всей жизни. Теперь она работает в отделе прозы одного из крупных московских журналов. А я стала писать сама...

Переродились бы мои стихи в песни, если бы Илья не взглянул на меня с экрана? Знаю, этого не произошло бы. Он произвел меня из своей плоти, как первый мужчина первую женщину. И моя любовь к нему неотделима от его существа. Она была таковой даже до того, как он впервые обнял меня.

В моем чувстве никогда не было ничего платонического, ведь, если наши тела соединялись в воображении хотя бы одного из нас, это уже плотская любовь. Хотя бы одного... А нас двое.

Все мое существо заполнено им настолько, что кажется, будто у меня, как у знаменитого удава из детской книжки, есть только одна мысль и я ее думаю. И знаю: в этот самый момент он, может быть, лежит в постели, и уже знакомое мне тело содрогается от радости. Или от ее предвкушения. Или

он отдыхает, удовлетворенный и уставший. В моем воображении Илья вообще не вылезает из постели, ведь эти сцены – однообразные, как экранная эротика, но в чем-то всегда новые – и ранят меня больше всего. Только что рожденный моей фантазией его нетерпеливый жест... Треск ткани... Незнакомо искаженный страстью рот...

Это наваждение не оставляет меня в покое ни днем, ни ночью. Любовь не бывает привязана ко времени суток. Уже рассвет ласкает ее теплым дыханием, и дневные лучи несколько не рассеивают иллюзии. Однако вопреки движению солнца, которое после зенита охладевает к тем, кого намеревалось опалить с утра, мои грешные помыслы только набираются жара, и к вечеру мозг уже готов расплавиться. Какая часть меня пропитана любовью сильнее всего? Сердце? Мозг? Женское естество? Я еще жива, не делите меня на части, как освежеванную тушу. Да меня и невозможно разделить, ведь я накрепко, словно воском, слеплена своей любовью.

Пушкин ничуть не преувеличивал: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала»¹. Так оно и бывает. Правда, мое узнавание прошло несколько стадий. Вначале было Слово. Его слово вошло в меня и жадно впиталось всей моей кровью. Потом он посмотрел на меня со сцены и – мне одной! – приоткрыл тайну своего Вселенского, как у всех художников, одиночества. А когда он (уже настоящий, живой, в длинном плаще,

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин.

но с непокрытой головой) вошел в переднюю квартиры, где я ждала его, это было уже не открытие, не узнавание – но подтверждение. Спокойное, с оттенком обреченности: «Да, это он. Только он один».

Он. В тех языках, которые оставили в моей памяти по паре самых распространенных слов, это местоимение короче слова «она». Что-то добавляется к мужчине, и получается женщина. Производная от него, его порождение, но вместе с тем обогащенная новым звуком. Он – она.

К чему эти лингвистические изыски? Не попытка ли это утешиться за счет унижения человека, подняться до которого ты не в силах? Я солгала бы ради него. И украла бы. И убила. В чем же мое превосходство? Его не существует между полами вообще. Только между отдельными людьми. Один из двоих обычно оказывается сильнее. Но это необязательно мужчина.

Я сама недоумеваю: откуда взялась во мне эта молекула безумия, как сумела прокрасться в организм, если мои родители вполне здравомыслящие и довольно ироничные люди? Их я всегда воспринимала скорее как друзей, преданных друг другу, чем как любовников. Над чужими романами они вместе беззлобно посмеивались, а когда из-за любви рушились семьи, называли это не иначе как сумасшествием. Может, наши родители просто делали вид, будто слегка презируют малообъяснимое с научной точки зрения чувство из страха, что самим его изведать уже не доведется? Все нере-

ализованное ими досталось мне...

Никогда еще слова не давались мне с таким трудом. Каждое рожаю в муках, как обещал Господь, когда я возлюбила не той любовью, какую Он даровал людям. Я помню сильное, рвущееся к облакам дерево, под которым, невинно раскинувшись, лежал он – единственный мужчина на всем белом свете. И я принесла ему яблоко...

То, что с тех пор прошли столетия, ничего не изменило: на земле по-прежнему существует лишь один мужчина. Моя проклятая Богом любовь, моя песня, мое вдохновение, мой бесконечный сон. Я не хочу просыпаться. Не уходи из меня...

Глава 2

Уйти. Ото всех. От себя. Он боялся себя куда больше, чем других, потому что это уже был не он. Того удачливого, талантливому Ильи Романова, какого знал весь свет, больше не было. Он едва не кричал от ужаса, глядя в зеркало, которое в насмешку подсовывало ничуть не изменившееся отражение. Трещины, от которых раскололось то, что составляло его истинного все сорок три года, не смог бы различить даже самый пристальный взгляд. Он привык ощущать на себе эти взгляды. Многие не были влюбленными или хотя бы доброжелательными, однако Илья давно научился самостоятельно зализывать раны. Но вот с той, что донимала его сейчас, никак не удавалось справиться.

Даже засыпая или едва открывая глаза на рассвете, Илья сжимал и разжимал левую руку, прислушиваясь к ощущениям, которые с каждым днем становились отчетливее. Но боль была вполне терпимой, пока он не брал гитару. Однажды струны внезапно пустили шипы, и пальцы пронзило судорогой. Романов вскрикнул и впервые уронил инструмент. И гитара этого не простила... Теперь судороги возникали каждый раз, когда он прикасался к ее гладкой длинной шее, как немедленная кара за прелюбодеяние, которое Илья совершал с ней прежде несколько раз за день.

В последние же два месяца, даже когда он не играл, в ми-

зинце часто возникало тягучее напряжение, которое стремительно сгущалось, одновременно растекаясь по руке до плеча. Илья сжимался от боли, чувствуя себя маленьким, одиноким и совершенно беспомощным перед этим неведомым врагом, подточившим его изнутри.

Будучи фаталистом, он даже не подумал бороться, бежать к врачу, искать какие-то средства. Илья сдался без боя, сделав вывод, будто сама судьба решила прервать его победоносное шествие по жизни. Ему и так повезло больше, чем громадному большинству людей, которые мечтают иметь хотя бы что-нибудь одно из длинного перечня того, чем обладал Илья Романов.

Но учиться смирению еще только предстояло, ведь мысли о будущем подавляли его, заставляя задыхаться от страха и метаться по крошечному кабинету, из которого больше не существовало выхода в мир. Кто-то когда-то (Илья даже не заметил – как?) заколотил его грязными досками, и теперь он чувствовал себя заживо похороненным, обреченным видеть перед собой только неструганое дерево до тех пор, пока не кончится кислород. Илья был уверен, что его немного осталось – так часто горло пережимало спазмом.

Невозможность играть подкосила его настолько, что он и написать ни одной песни не мог. Хотя бы только стихи... Прошла весна, заканчивалось лето, и уже приходилось надевать плащ, а Илья не обнаруживал в себе ничего, кроме нарастающего ужаса. Подобное ощущение пустоты было аб-

солютно незнакомо ему. Все узнанные годы казались спаянными воедино тем состоянием непреходящего волнения, которое принято называть вдохновением. Романов постоянно сочинял что-то и нашептывал про себя или напевал, и радость, наполнявшую его жизнь без зазоров, воспринимал естественной. Его заботило лишь одно: как бы не повториться – мелодией, мыслью, рифмой, – ведь песен уже было написано так много...

Теперь же новых не рождалось, а старые вызывали у него отвращение, потому что виделись цветами на его собственной могиле.

«Я умер», – говорил он себе и, как ребенок, весь дрожал от горя, не находя, к кому бежать за помощью. Он сказал жене о боли в руке, но умолчал о том, что ее острие упирается в сердце. Илья чувствовал, как умирает, ведь жить больше было незачем. Если бы он заикнулся о подобном Виктории, это убило бы и ее. Ведь все эти годы она верила, будто Илья живет для нее так же, как она для него.

Обидеть жену Илья не мог, она этого не заслужила. И потому продолжал улыбаться и дурачиться, как мужественный актер, который доводит роль до конца, истекая кровью. Переложить на кого-нибудь хотя бы часть тяжести, обрушившейся на него, Илья не считал возможным. Но ему хотелось этого...

Однако жена для этого не годилась. Вынужденное бездействие Илья даже радовало ее: теперь муж проводил вечера с

ней у телевизора, а не у себя в кабинете. Иногда Вика, правда, ловила его на том, что он смотрит невнимательно и даже не может сказать, в каких отношениях между собой те или иные герои.

– О чем ты думаешь?! – возмущалась она. – Такой интересный фильм!

– Да? – рассеянно спрашивал Илья и снова уходил куда-то, хоть и продолжал сидеть в кресле.

Но для Вики это было лучше, чем проводить время в одиночестве, постоянно слыша, как муж что-то бубнит под гитару. Ей не удалось убедить его писать песни для «простых людей», как она говорила. Подобные тем, что сутками звучали с экрана.

– Тебя же совсем перестали показывать! – восклицала Вика с отчаянием. – Потому что твои песни никто не понимает. Даже я.

Он отвечал сквозь зубы:

– Ты – не даже.

Она не сумела объяснить себе, что это значит.

Виктория прекрасно видела, как он мучается, но воспринимала его страдания как неизбежную болезнь роста. Илье уже за сорок, а всенародная слава так же далека, как и в дни их молодости. И, значит, нужно что-то менять, приспособливаться к действительности. Не писать же в угоду тем нечесаным юнцам, которые один за другим таскаются в их дом!

Ее заботило вовсе не то, что они до сих пор живут в мало-

метражной квартире и не имеют возможности ужинать в ресторане. Но Виктории хотелось, чтобы ее муж вел тот образ жизни, которого заслуживал. Она чувствовала: заслуживал, хотя за все эти годы Илья не создал ничего, по ее мнению, значительного. Ведь ему не вручили ни одной из тех многочисленных премий, которые раздавали в роскошных залах другим певцам.

Когда Вика смотрела эти завораживающие своим блеском церемонии, ей с трудом удавалось сдерживать слезы. Она представляла, как ее муж мог бы так же выйти в белом смокинге из переливающегося в лучах прожекторов лимузина и перед телекамерой подать ей, Виктории, руку. Это походило на сказку, но Вика знала, что она могла осуществиться. Если бы Илья переборол свою гордыню и начал писать другие песни.

Иногда ей удавалось вытащить Илью из кабинета в надежде раззадорить, когда на экране вручали награду какому-нибудь исполнителю, но муж с недоумением пожимал плечами:

– Слушай, госпожа моя, неужели ты в самом деле не понимаешь? Я же не имею с ними ничего общего! Ты только послушай, о чем они поют... Я ведь занимаюсь совсем другим делом. Тебе нужна эта мишура?

Но ей самой ничего не было нужно. Виктории хотелось, чтоб ее мужа любил каждый человек в этой стране. Любил так же, как любила она сама. А соседки по двору даже не знали, что Романов считается одним из лучших авторов и ис-

полнителей песен. Илья думал о людях лучше, чем они были на самом деле, и считал, будто все вокруг такие же умные, как он. Вика называла его неисправимым идеалистом.

В последние месяцы, когда жена уходила на работу, а дети разбегались по институтам, Илья, боясь остаться с собой наедине, часами слонялся по Петербургу, который с самого рождения стал для него средоточием всей земной радости. Ведь здесь он работал и работал, без утомительных перерывов, как только и мечтается каждому художнику, если он по-настоящему любит то, чем занимается. Многие удивлялись, почему, уже будучи известным, Романов не перебрался в столицу, где обрел бы гораздо большую аудиторию хотя бы благодаря телевидению, но Илья просто боялся оторваться от родной почвы, в которой, как ему представлялось, и таился источник вдохновения.

Он знал десятки людей, которые прожили половину жизни, даже не подозревая о том, что и в их душах имеется крошечное углубление, способное наполняться той животворной влагой, без которой Илья задыхался. Эти люди не только жили, но и бывали счастливы, по крайней мере довольны. Раньше Илья даже не представлял, как пуста может быть жизнь, как на самом деле неотличим один день от другого, как тягуче уныние, в котором ложишься спать и открываешь глаза. Он не подозревал, что именно этим и живет большая часть человечества, ведь сам жил иначе и засыпал, волнуясь от нетерпения начать новый день, полный стихотвор-

ных находок и музыкальных открытий. Жажда жизни бурлила в нем, подгоняя кровь и заставляя сердце влюбленно замирать. И так было много-много лет. До последнего времени...

Насчет Петербурга он ошибался. Во внешней жизни его ничто не изменилось. Илья оставался в том же городе вместе со своей семьей, а волшебный источник внезапно иссяк. И он не представлял, как наполнить его вновь. Бродя по городу, который, будто вытягивая силы из своего певца, все хорошел, Илья то и дело оказывался неподалеку от клуба авторской песни, где его всегда встречали как живую легенду. Испытывая от этого неловкость, он редко туда заглядывал, но сейчас его так и подмывало распахнуть металлическую дверь и заорать во весь голос:

– Приглашаю всех на поминки Ильи Романова! Будет весело, ей-богу!

За те двадцать с лишним лет, что он занимался самодеятельной песней, ему сотни раз приходилось отвечать на необъяснимый вопрос: почему в его песнях столько трагизма?

«И в самом деле, – ставил себя Илья на место слушателей. – Уж ему-то отчего страдать?»

Со стороны Романов казался одним из тех редких, скорее даже исключительных, людей, все мечты которых сбываются. Еще в юности он не хотел заниматься ничем иным, как исполнять собственные песни, и это сбылось. Ему хотелось

стать знаменитым, жениться по любви на красивой женщине, которая родит ему детей. Все это Илья получил. Природа не обделила его ни здоровьем, ни привлекательностью. Свои сорок три года он прожил честно, что тоже редко удается, и тем не менее не был ни беден, ни слишком богат, чтобы опасаться завтрашнего дня. Старший брат любил его скорее как сына и ради Ильи создал в свое время студию звукозаписи, которая теперь кормила обоих. Словом, Илья Романов был человеком, познавшим абсолютное счастье.

Отыскивая ответы в строгих чертах города, Илья склонялся к мысли, что боль, которая всегда начинала звучать в нем вместе с новой песней, была отсветом боли грядущей. Еще не пережитой, но обещанной. И вот теперь наступала пора узнать ее наяву. Однако Илья оказался не готов к ней, как почти всегда человек оказывается не готов ко всему незнакомому. На свете существовали тысячи людей, считавших Илью Романова личностью уникальной, отмеченной Богом, но, вступив в отчаяние, он повел себя как самый заурядный человек. Он запил.

Еще не позволяя себе напиваться до бесчувствия, главным образом чтобы не огорчать жену, Илья останавливался на степени, близкой к сумасшествию, и знакомая зрителям улыбка снова кривила его губы. По пути домой он наведывался на студию к брату, и тот неизменно встречал его укоризненным восклицанием:

– Ну, малец! Ты опять надрался!

Михаилу не терпелось докопаться до истины:

– Да чтостряслось-то?

Если бы Илья ответил правду: «У меня болит рука», – это ничего не объяснило бы. Ведь на самом деле боль жила не в руке, а в каждой клеточке, каждой частице того, что составляло Илью Романова. Но если бы он сказал то, что чувствовал: «Я умер», – брат, пожалуй, совсем перестал бы его понимать.

Михаил был человеком практического ума и к песням брата относился как большинство людей к «Джоконде»: они помнят, что это шедевр, хотя и не находят в ней ничего особенного. Он честно признавался:

– У меня мозгов не хватает тебя слушать.

Но при этом был уверен, что как раз такие песни и должны пробиваться к людям. По этому поводу они часто спорили с Викторией, которая считала песни мужа чересчур сложными, перегруженными образами и символами. Она просто-душно заявляла:

– Зачем все эти шифры? Прямо голову можно сломать... Илюша, теперь ведь все говорят в открытую! Ты писал бы попроще.

Обычно Илья только посмеивался и не принимал участия в их спорах, но однажды Виктория попала под горячую руку, и он завопил:

– Что ты понимаешь в этом, дура!

Опомнился Илья быстрее, чем она успела обидеться, и

взмолился:

– Прости, Хаврошечка! Я совсем не считаю тебя душой!

Он звал ее так, потому что Вика была маленькой, проворной и домовитой. Ему нравилось время от времени чмокать ее яркие, сочные губы, даже не раскрывая рта. В сорок лет она выглядела как девочка с черным хвостиком на макушке и пушистой челкой, которую Вика то и дело сдувала с глаз, смешно выпячивая нижнюю губу. Взлетала челка, взгляд быстро перебегал с одного предмета на другой, руки ловко метали на стол тарелки, вилки, ложки... Все в ней двигалось так стремительно, что Илье хотелось зажмуриться от этого мельтешения.

Вот только мысли отставали... Язык опережал их, и Вика успевала ляпнуть глупость прежде, чем понимала, что это глупость. Нет, она понимала в конце концов, но всегда с опозданием.

– А куда тебе спешить? – вступался за нее Илья перед ней же. – У тебя чудовищно длинная линия жизни.

Виктория догадывалась, что в такие минуты он больше думал о своей линии жизни, которая на правой руке прерывалась в самой середине, а дальше продолжалась неясным штрихом. Вика уверяла: это ничего не значит, надо просто бережнее относиться к себе. Но ей самой от этих разговоров становилось так страшно, что у нее кривились губы, и тогда Илья начинал хохотать.

«Я просто заражусь от тебя и стану полным идиотом, да-

уенок ты холеричный», — однажды сказал он, и Виктория впервые обиделась по-настоящему, ведь она и сама считала свои умственные способности ниже средних. Правда, в бухгалтерии, где она работала уже тринадцать лет, неповоротливость ее мозга принимали за обстоятельство и ценили как серьезного, надежного работника. Тем не менее она была не настолько глупа, чтобы не удивляться этому.

Если бы не столь неприятное обстоятельство, Виктория считала бы себя вполне счастливой женщиной. Илья капризничал и показывал характер так редко, что она недоумевала, откуда взялось убеждение, будто трудно жить с людьми, занимающимися творчеством. Ее раздражало одно: их жизнь была просто переполнена какими-то типами, которые являлись к ним домой и наперебой расхваливали Илью, а он так и расцветал, как жадное до влаги растение.

Памятуя о том, что одним добрым словом сыт не будешь, однажды Вика тайком намекнула гостям: их любимец все чаще сидит на одной картошке. С тех пор без гостинцев к ним никто не являлся, и стало ясно: эти ребята как-то связаны между собой. Словно у Ильи существовала некая тайная семья, которая поддерживала и подкармливала его. И порой Вика начинала побаиваться, как бы его не утянули совсем.

Илья радовался подаркам, как ребенок, и после ухода очередных визитеров еще долго восклицал:

– Слушай, какие ребята! Я готов петь для них даром, ей-богу! Лишь бы они находили для меня такие слова.

Вика ловко вставляла:

– И кусочек сала.

Усмехнувшись, он соглашался и звал детей угоститься.

В памяти Вики их гости давно перетасовались так, что стали единым зрительным залом, к которому обращался ее муж. Его-то она видела ясно, какой бы давности эпизод ни вспоминала. На лицо Ильи она могла смотреть часами, хотя оно было перед ней уже двадцать лет. Он знал об этом и берег жену как прочный стерженок своей жизни.

Только вот теперь эта самая жизнь сама ухитрилась соскользнуть и зависла в пустоте.

Прежде чем нажать кнопку звонка, Илья собрался и несколько раз улыбнулся, чтобы губы не подвели, когда он предстанет перед женой. Он готовился к встрече с ней, как клоун к выходу на манеж: «А вот и я!» И еще не ступив на порог, уже мечтал о той минуте, когда выберется отсюда и ладонью сотрет с лица грим.

Защелкал замок. Илья поспешно натянул улыбку.

– А вот...

Он осекся, увидев за Викиным плечом чужую женщину, лицо которой в полумраке прихожей казалось неправдоподобно бледным.

– Здравствуй, моя госпожа, – машинально произнес он обычное приветствие и коснулся губами теплой щеки. Ему казалось, будто кожа на лице жены с каждым годом натяги-

вається все туже.

– К тебе пришли, – сказала Виктория тем знакомым тоном, каким обычно давала ему понять, что этот посетитель ей неприятен.

Гостя неуверенно улыбнулась, и в то же мгновение что-то сместилось в сознании Ильи, как бывает чаще всего в детстве, когда мы словно проваливаемся во временную дыру и переживаем нечто уже пережитое раньше. И потрясает при этом не совпадение видимых деталей, а точный повтор ощущений, которые уже испытывал в подобной ситуации.

Илья не сталкивался с подобным с юности... По спине у него пробежал холодок, а сердце испуганно екнуло. Он определенно никогда не встречал женщину, лицо которой запоминалось, хотя она и не была красива. В его тонкости было нечто болезненное, и вместе с тем на нем успокаивался взгляд. Каждая черта в отдельности была невыразительна: небольшие серые глаза, неяркие губы, острый маленький нос. Но вместе они складывались в магическую картинку, которую высвечивала улыбка. Ее-то он и узнал...

Выбираясь из теплого тумана, он в замешательстве разглядывал ее поверх Викиной головы. Никто из гостей не встречал Илью у порога. Они покорно сидели в маленькой гостиной, и у него было время выпросить у жены, чего ждать на этот раз.

– Здравствуйте, Илья Андреевич, – на последний слог ей не хватило дыхания.

– Слушайте, только без «Андреевича»! – взмолился он, уже совсем очнувшись. – Вас как зовут?

– Ася, – произнесла она почти шепотом.

– Боже ты мой! – Илья становился себе все противнее, но маска клоуна уже прилипла к лицу. – Ваша мама так любит Тургенева?

Ася засмеялась, и его опять качнуло во времени. Этот смех Илья помнил.

– Да не особенно, она без ума от Цветаевой. Мое полное имя – Анастасия. А сестру зовут...

Илья не дал ей договорить:

– Ну понятно. Чудные люди бывают, ей-богу! Может, кто-нибудь из моих поклонниц назовет сына Ильей? Да проходите же вы! Садитесь, прыгайте, бегайте! Делайте что угодно. У нас все можно.

– А я рисовой каши сварила, – неожиданно сказала Вика. Он даже не сразу понял, о чем она.

– Что?

– Каши...

В черных глазах мелькнула растерянность: она уже догадалась, что встряла некстати. Илья смотрел в знакомые до последней красной прожилки глаза и явственно ощущал, как в голове у него растекается горячее месиво – густая рисовая каша.

– Я сейчас, – ни на кого не взглянув, он ушел в ванную.

Закрыв дверь на шпингалет, Илья пустил воду и, забрав-

шлись на бортик ванны, достал из самого верхнего шкафчика початую бутылку водки. Балансируя на узком поребрике, он открыл ее и сделал несколько глотков прямо из горлышка. Потом продохнул и отпил еще.

«Я становлюсь алкоголиком», – подумал он с безразличием и убрал бутылку. Это не было открытием и не имело большого значения, ведь хуже того, что с ним уже произошло, ничего не могло случиться. Илья закрутил кран, потом снова пустил воду и сполоснул руки. Вспомнив, что в гостинной ждут, он так и скривился от досады: «Зачем явилась? Зачем они еще ходят ко мне? Я же не могу больше говорить. Писать не могу. Петь. Думать. Я просто умер. Неужели никто этого не видит?»

Посмотрев в зеркало, Илья пригладил обеими руками чуть волнистые каштановые волосы и показал своему отражению язык.

– Ну давай! – шепнул он. – А вот и я! Дубль второй. Теперь у тебя получится, ей-богу!

Распахнув дверь ванной так, что она ударилась о стену, Илья вылетел в коридорчик и заорал на весь дом:

– Хочу каши! Да здравствует рисовая каша! Вечная и неизменная, как Вселенная. Если что и поглотит нас всех живо, так это рисовая каша.

Вика выскочила к нему и зашипела – не только голосом, но и глазами, и руками:

– Там же...

– А я не приглашал! – прошипел он в ответ и ткнулся носом ей в щеку. – Сейчас я отобью им охоту шлаться сюда!

– Ты хлеба купил? Илюшка, да ты опять выпил?! Фу! – только и успела она ужаснуться вслед, а Илья уже уселся напротив гостьи – сияющий, распространяющий по комнате токи радости.

– Ну, выкладывайте!

И замолчал, прислушавшись к тому, как от Асиной улыбки по телу забродили пузырьки веселости. «Что это такое, черт побери?» – озадаченно подумал он и спросил:

– Гитара с собой? Нет? Хаврошечка, принеси мою, пожалуйста.

– Зачем? – испугалась Ася.

– Разве вы не собирались мне спеть?

– Нет. То есть... – В ее смехе зазвучала нервозность. – Я вообще не думала, что это возможно.

Отвлечшись, Илья рассеянно отозвался:

– Возможно. Все-таки пишите? Значит, мы одной крови...

И замолчал, привлеченный зрелищем заката за окном. Потом опомнился и снова перевел взгляд на гостью. Теперь она была усеяна огненными и фиолетовыми пятнами.

– Внутри вас бушует пожар, – лукаво заметил он. – Хаврошечка, где гитара? Ах да, петь вы не хотите. А чего ж вы хотите?

Вика наблюдала за мужем с боязливым изумлением. Никогда раньше Илья не позволял себе бесцеремонности по от-

ношению к своим гостям. И ее ругал, если она пыталась на кого-то посмотреть свысока. Он до сих пор помнил, как целый час дрожал у подъезда Окуджавы, но так и не решился войти. И представлял, чего стоит перешагнуть порог...

– Поужинайте с нами, – ласково попросила Вика, пытаясь смягчить резкость мужа, хотя минуту назад и сама была раздосадована этим неожиданным вторжением.

За последние месяцы Вика успела отвыкнуть от них, ведь поток желающих соприкоснуться с жизнью Ильи Романова неожиданно иссяк. Его подавленность, которую муж так неумело пытался скрыть, она именно с этим и связывала. Иногда, дразнясь, жена называла Илью «публичным мужчиной», и в этом была правда: он почти физически нуждался в постоянном подтверждении того, что его помнят и любят. И, зная это, Вика все же не смогла удержаться досады, сообщая мужу о госте, и теперь корила себя за его высокомерие. Может, Илья просто решил угодить ей, чтоб она не дулась за то, что он опять выпил?

– Спасибо, я с удовольствием, – отозвалась Ася, разглядывая клетчатые тапочки, в которые переобулся Илья. – Вот только боюсь опоздать на электричку...

– Так вы не местная? – уже мягче спросил он.

– Нет, – как бы подтверждая слова, она еще и покачала головой.

– Как нашли меня?

Его почему-то всегда это занимало. Но Ася ответила так,

как он и ожидал, не удивив:

– Через клуб авторской песни. Я слышала, что вы живете где-то в Красном Селе.

Илья заявил с совершенно серьезным видом:

– Достаточно было знать, когда я родился, и у вас в руках был бы точный адрес.

– Как это? – Она улыбнулась, как человек, понимающий, что его разыгрывают, но не противящийся этому.

– Я же родился первого мая. Улица так и называется. Дом – девятнадцать, квартира – пятьдесят пять. Если прочесть подряд, получится год моего благополучного появления на свет.

Ася радостно засмеялась:

– А ведь правда! Вот совпадение!

– Никакого совпадения, – строго сказал Илья. – Эту улицу в честь меня и назвали, ей-богу! Хотели окрестить Романовской, но времена были социалистические, а фамилия сомнительная... А вот квартиру выбирали под заказ.

Вика махнула маленькой смуглой рукой:

– Слушайте больше! Он ведь все сочиняет.

– Работа такая, – буркнул Илья.

– Раньше я думала, что вы живете в центре, – сказала Ася. Это всегда задевало его, хоть он ругал себя за снобизм.

– А вы-то откуда?

– Я... сейчас я живу в Городе надежды. Вы, наверное, о таком и не слышали? Там всего несколько домиков.

На мгновение подняв глаза, Ася точно ударилась о холодный взгляд и снова опустила голову. Илья без сожаления подтвердил:

– Не слышал. Выходит, на свете существует Город надежды? У вас там что, секта какая-нибудь?

Ася вспыхнула:

– Никаких сект! И никаких идолов.

– Тогда что же? – Он спросил об этом скорее из вежливости, чем из интереса.

Больше не отводя глаз, Ася невозмутимо пояснила:

– Это община алкоголиков.

Он так захохотал, что ее передернуло. И от самого смеха, которого Ася никогда не слышала и который звучал так, будто Илье приходилось совершать невероятное усилие, чтобы издать этот обычный для человека звук... Но главное, от того, над чем он смеялся.

Успокоившись, Илья взгляделся в нее с интересом:

– Слушайте, так вы врач-нарколог?

– Нет, – коротко ответила она. – Я – алкоголик.

Когда в доме воцарялась тишина, Виктория начинала чувствовать себя неудобно, будто муж заболел у нее на глазах. Она привыкла, что Илья постоянно рассказывает о чем-то, или спорит с кем-нибудь, или просто треплется, как он сам выражался. Даже читая, он то и дело издавал восклицания. А сочиняя, постоянно бормотал под нос.

– Извините, – наконец выдавил он.

Ася улыбнулась. Губы у нее были слишком бледными, но приятного рисунка.

– Да что вы! Это хорошо, что я еще похожа на врача.

– Вполне... Слушайте, а вы меня не разыгрываете? Где ваши мешки под глазами? Дрожащие руки?

Она непроизвольно сжала пальцы и, заметив это, усмехнулась.

– Я не пью уже год.

«Гордится этим, – отметил Илья. – Да, этим можно гордиться, ей-богу! Особенно если запил из-за чего-то... Из-за чего-то похожего».

С прежней легкостью, будто речь шла о пустяках, Ася продолжила:

– И год пишу песни. Это все благодаря вам.

– Мне?!

– В общем-то, я пришла просто сказать спасибо. Это вы меня вытащили.

Он остановил ее жестом:

– Ну-ка, ну-ка, поподробней! И как же я сотворил такое чудо? Госпожа моя, там каша не остыла?

– Я разогрею. – Вика без возражений вышла из комнаты.

Ася проследила за ней, опустил короткие ресницы, потом подняла их и взглянула на Илью с такой радостью, будто наконец-то можно было смотреть не скрываясь.

«Э, нет! – сразу решил он. – Я так не играю».

– Я тогда впервые увидела вас. По телевизору...

– Год назад впервые?! – изумился он. – Да меня тогда уже перестали показывать... Ладно, извините. И что?

– Вы улыбались, пели, разговаривали с залом. А глаза у вас были такие несчастные...

Илья опять с недоверием повторил:

– Год назад? Быть не может...

– Нет, правда!

– Слушайте, я вам верю! Это я так... про себя...

– А что было год назад?

– Вот именно, ничего не было, ей-богу! То же, что и два года назад, и восемь. Ну ладно, увидели вы мои несчастные глаза, и что же?

Пристально посмотрев на него («Не смеется?»), Ася торопливо закончила:

– И я подумала: «Вот человек, который тоже несчастен. Тем не менее он пишет песни, которые делают счастливыми других. Смеется, общается с людьми... И не пьет».

Качнувшись к ней, Илья недоверчиво спросил:

– И это заставило вас бросить пить?

– Ей-богу, – ответила она его присказкой и засмеялась.

Откинувшись на спинку кресла, он покачал головой:

– Слушайте, да это просто рождественская сказочка! Вы не об этом написали первую песню? Ангел с гитарой спустился с небес...

– Нет. О розовом небе, которое гаснет так быстро, что облако не успевает достичь самой яркой полосы.

– И кто же это розовое небо? – Он все примерял к себе.

На этот раз Асин взгляд задержался на нем дольше, но, прежде чем ответить, она отвела глаза:

– Никто.

– Будь по-вашему, – согласился Илья. – Значит, вы пришли просто сказать мне спасибо?

– И пригласить вас... Если возможно... Только заплатить нам нечем. Не обязательно целый концерт! Хотя бы несколько песен. У костра. Я понимаю, что это наглость с нашей стороны – просить о таком. Но... это очень поддержало бы наших ребят. Нет, правда! Они ведь и сами многие пишут. Или рисуют. У нас там такой своеобразный Дом творчества на добровольной основе, – скованно усмехнувшись, пояснила она.

– Нет. Я не смогу, – твердо сказал Илья, борясь с желанием еще раз сбегать в ванную.

Стало заметно, что отказа Ася не ожидала. Оцепенев от неожиданности, она смотрела на него, и щеки ее медленно розовели. «Надо почаще заставлять ее врасплох, тогда к ней вернется нормальный цвет лица». – Илья постарался не усмехнуться.

– Им очень важно знать, что от них не отвернулись... От нас...

– Я все понимаю. Просто не могу.

– Почему?

Он едва не раскрыл рот. Уже давно Илье не доводилось

объяснять причины своих поступков. Но у него тут же родилось готовое оправдание: «Она ведь не для себя старается».

– Слушайте, если я говорю, что не могу, значит, действительно не могу, – раздражение все же прорвалось. – Я ничуть не ломаюсь и не набиваю себе цену. Дело не в оплате и не в... алкоголиках. И уговаривать меня не надо. Слушайте, – Илью внезапно вернуло к началу разговора, – а что с вами произошло, когда вы решили, будто я несчастен? Вы ошиблись тогда, но дело не в этом... Неужели становится легче, если узнаешь, что кому-то так же плохо, как тебе?

– Наверное, так. – Ася смотрела до того серьезно, что невозможно было не поверить.

Он пробормотал с тоской:

– А мне не стало легче, когда вы сказали о своем алкоголизме...

– Это потому, что я для вас ничего не значу.

– Как? А-а-а, понял. Ну да, я ведь живая легенда!

Отвращение прошло по всему телу и отдалось резкой судорогой. Стараясь не выдать себя, Илья сунул руку под колено и, затаив дыхание, попытался сжать кулак. Он так напрягся, что у него вырвался глухой, сдавленный звук. Быстро взглянув на Асю, он убедился – она смотрит на него с ужасом.

– Что... что с вами?

– Хотите, еще полегчает? – болезненный смешок прозвучал, как всхлип. – Вот что со мной!

Он вытащил искореженную болью руку и сунул ее Асе в лицо. Даже не отшатнувшись, она взяла ее и начала с силой разминать, возвращая пальцам жизнь. Когда его рука обмякла и потеплела, Ася спросила как о чем-то естественном:

– Вы тоже пьете, да?

– Да, – горестно сознался он, как мальчишка, пойманный у разбитой вазочки.

– Я сразу это заметила. Когда вы из ванной вернулись... Вы там бутылку прячете? Водка не суррогатная?

– Нет, хорошая. Я прячу несколько за флягой с ацетоном.

Ему стало смешно. Час назад Илья и представить не мог, что способен вести подобный разговор с кем бы то ни было. Тем более с женщиной...

– Вам и сейчас хочется выпить?

– Ужасно. – Он громко вздохнул и усмехнулся. – Нельзя! Тогда станет заметно.

– И сейчас заметно. Ваша жена тоже догадалась.

– Она запах уловила... Слушайте, а что вы там делаете, в вашем Городе надежды? Как лечитесь?

Выпустив его расслабившуюся руку, Ася вздернула прямые плечи:

– Да никак. Все уже пробовали: и кодироваться, и лечиться. Каждый по-своему... Кому-то помогло. А там мы просто строим город. Поселение скорее... И каждый день пытаемся не пить. Всего один день. Можно ведь выдержать? Потом еще один. И еще.

– Это для меня не самая страшная проблема. – Илья сделал пальцами небрежный перебор.

– Вашу руку можно вылечить.

– Наверное, дело уже не в руке. Я соскользнул со своего стержня, вот что.

Подавшись к нему, Ася тихо спросила:

– А что было вашим стержнем?

Из кухни донесся звонкий Викин голос:

– Каша остывает!

Неловкость за жену разлилась по лицу проступающей сквозь кожу кровью. Резко поднявшись, Илья задел бедром Асино плечо и произнес отрывисто, пытаясь отделаться от желания исповедоваться ей до конца:

– Беседа окончена. Пора кашу есть.

– Каша – это хорошо. – В Асином голосе невозможно было различить усмешку. – Я и сама каждый день кашу варю. Нашим ребятам полезно. Когда организм восстанавливается, каша в самый раз.

Виновато улыбнувшись, Илья заговорил другим, ласкающим голосом, так хорошо известным его зрителям:

– Ваши пионеры избрали вас поварихой?

Он легонько подтолкнул Асю к кухне, положив руку между ее лопатками, и они испуганно сошлись, зажав его ладонь. У Ильи вырвался смешок:

– Оп-па! Поймала.

Дернув плечами, она едва слышно пробормотала:

– Извините.

– Не за что...

– Вы что-то... А, нет. Я не повариха. У нас вообще нет никаких обязанностей. Нет, правда! Каждый занимается тем, к чему больше душа лежит.

– Так у вас она лежит к кухне? – Илья продолжал насмешничать, уже усаживаясь за стол.

Сердито прищурившись, Вика громко перемешала масло в тарелке мужа:

– И что здесь плохого?

– Да ничего, – холодно отозвался он, еще не забыв, как жена прервала самый необычный в его жизни разговор. – Для кого-то и каша может стать смыслом жизни.

Уже успевшая устроиться напротив, Ася подняла глаза и посмотрела на него так, будто разглядывала то, что было в его мыслях на самом деле: «Я знаю, нет на земле женщины, для которой смыслом жизни стала бы каша. Но варить эту кашу для человека, в котором воплотился основной смысл Вселенского бытия, – для большинства стало делом жизни. Для мужчины варить. Для ребенка...»

Илья заставил себя выдержать этот взгляд: «Ну, если ты пытаешься угадывать мои мысли, тогда ответь-ка на это...» Его даже озноб пробрал, когда Ася сказала:

– Я варю кашу для всех сразу и никого в особенности. Просто никому не хочется этим заниматься. Но поесть-то они любят! – Она опять засмеялась, и серые глаза повеселе-

ли. – Оставь их без трехразового питания, и половина опять запыет.

Илья процедил:

– Я не запил бы из-за отсутствия каши.

– Откуда вы можете знать? – Голос у нее стал совсем мягким. – Вы ведь всегда получаете ее вовремя.

– Ну хорошо, – сдался он, – а если бы вас не оказалось в этой компании, они что, сидели бы голодными?

– Нет, конечно. Кто-то другой взял бы это на себя. Всегда ведь кому-то приходится выполнять самую нудную работу.

– Не думаю, что я стал бы делать это для посторонних...

– Ты-то, конечно, – буркнула Вика и пододвинула Асе плетеную хлебницу. – Ешьте-ешьте, с дороги же... Вы какие-нибудь лекарства принимаете?

Ответа Илья не услышал. Машинально перемешивая кашу, он пытался извлечь из памяти рамку, в которую естественно вписалось бы Асино лицо. Не давало покоя ощущение, что его разыгрывают и когда-то они действительно встречались с Асей, но об этом помнила только она. Перед ним, как в калейдоскопе, промелькнули, быстро сменяя друг друга, лица студенток обоих институтов, где он учился. Но Ася никак не могла быть одной из них: в тех вузах не было девочек-вундеркиндов.

«Что-то здесь не то, – размышлял он, удивляясь своей подозрительности. – Что-то кроется за ее желанием, чтобы я спел им у костра... Только вот как узнать? Если я начну

пытать ее, она решит, будто у меня развивается паранойя на почве пьянства. Еще и намекнет Вике, что меня пора лечить... А той только идею подай! Ради меня она горы свернет. И не спросит: нужно ли мне это?»

– Мы лечимся, как древние люди, – соками земли, – услышал он Асин голос. – Видели бы вы это место! Левитан жил бы там безвылазно... Одним воздухом можно вылечиться. Весь мир красота вряд ли спасет, но некоторым из нас уже полегчало.

– И вам? – вмешался Илья.

– Мне сейчас так хорошо, вы даже не представляете! – ответила она, так доверчиво раскрыв глаза, будто ждала от него каких-то слов, а Илья не уловил самой сути того, что было сказано. Повторив про себя последнюю фразу, он не нашел в ней ничего особенного.

Она перевела взгляд на Вику:

– Очень вкусная у вас каша получилась. Вы сразу в молоке варите или сначала в воде?

«Ее ведь это ничуть не интересует. – Он почему-то опять разозлился, но заставил себя наконец попробовать рисовое месиво. – Кому нужны эти хорошие манеры?!» Он и сам был приверженцем хороших манер, просто сейчас ему так хотелось выпить, что не терпелось наброситься на кого-нибудь.

«Если я снова отправлюсь в ванную, она сочтет меня законченным алкоголиком, – угрюмо рассуждал Илья, чуть не давась кашей. – О! Надо вызваться проводить ее до станции,

а на обратном пути где-нибудь куплю».

Ася уже приглашала его жену побывать в их Городе надежды, и удивление неприятно царапнуло Илью: «Это еще зачем?»

– Мы ничего не обещаем, – промямлил он, не позволив Виктории ответить. – Видно будет.

А сам уже решил: «Никуда я не поеду. Мне на себя-то противно смотреть, а там таких, как я, целый выводок...»

Асе он ничего не сказал. Ему вообще было трудно разговаривать в тот вечер. Много лет назад Илья раз и навсегда определил для себя: его мысли – это одно, а слова – совсем другое. Такое решение пришло оттого, что говорить приходилось в основном с Викой, и он боялся, вдруг она заскучает, если пуститься в рассуждения о вещах, которые действительно волновали его. Когда Илья впервые решился спеть ей собственную песню, она выслушала его с недоумением и расхохоталась, задорно хлопая себя по голым коленкам, от которых он не мог отвести глаз:

– Ты сам-то понял, о чем спел? Ой, не могу... Головоломка какая-то! А мне сейчас, знаешь, какая песня нравится? «В каждой строчке только точки...»

Но этого Илья уже не расслышал, ведь его трясущаяся рука наконец добралась до ее колена...

С тех пор он дал себе слово не забивать голову ни жене, ни кому другому всякими «заумностями», как отзывалась об этом Вика.

Глава 3

Я ведь собиралась рассказать, как он очутился в нашем Городе надежды... Я пришла к нему. Вот как просто это звучит. Человек приходит к человеку, и это не обязательно главный шаг в жизни. Но в моем случае это было именно так. Один шаг, тысячекратно проделанный в воображении и сотни раз после... Куда до него пресловутому айсбергу с его десятой частью над водой! Один шаг через порог незнакомой квартиры (я не скажу: чужой!), а за ним тянется темный след длиной в год и глубиной в девять тысяч прожитых мной ночей. И тяжесть его, бесшумного, измеряется не пудами и даже не тоннами. Его вес исчисляется космическими числами, потому что, когда ты делаешь свой главный шаг, на твои плечи неслышно опускается тяжесть Вселенной. А шлейфом тянется неизмеримость земной истории, из которой нам известна лишь толика. Но в тот переломный момент гигантская временная протяженность, которую невозможно охватить разумом, стремительной спиралью скручивается в ослепительную точку, и жгучая искра вливается в твое сердце.

Тебе кажется, что это страх перед неизвестностью, а на самом деле – волнение бессмертной Мировой Души, которая сейчас в тебе, в твоем шаге может получить развитие настолько великое, насколько велика любовь, выношенная тобой. Любовь не вспыхивает в нас божественным огнем и

не обрушивается с дьявольской мощью. Мы сами выращиваем ее, заботливо пестуя, и умиляемся новизне и свежести проснувшегося чувства. И, как правило, упускаем момент, когда младенец становится велик настолько, что упирается в сердце, заставляя его остановиться. Тогда человек пугается и просит о помощи, как я у вас, но уже поздно – не предотвратить момент, когда плод разорвет ненужный ему кокон. Ведь душа переросла тело и рвется наружу.

Такую любовь, как моя, нужно или травить в зародыше, или выпускать на волю, жертвуя собственным телом. Не выходите на тропу любви, если хотите сберечь свою жизнь.

Электричка везла меня в Петербург так долго, что я успела прожить несколько жизней. И в каждой мечтала увезти его в Город надежды. Я всем твержу, будто мы сооружаем его для себя, на самом же деле я с первого дня строила его для Ильи. Куда еще можно заманить человека, у которого все есть для счастья? Я должна была потрясти его чем-то, чтобы он хотя бы заметил меня. Тогда я и решила создать небывалый город в волшебном месте, где сбываются мечты, и втайне надеялась, что моя окажется первой...

Колеса громыхали на стыках, и сердце подпрыгивало вместе с ними. Оно сочилось страхом, мне казалось, я качусь к пропасти... Откроется дверь его квартиры, и я рухну в небытие. Ведь невозможно поверить в то, что я на самом деле пожму его руку. Буду разговаривать с ним. Спою ему песню о

нем... В воображении я проделывала с ним и не такое, но кто из нас не летал среди звезд?

Руку ему я так и не пожалала, ведь моя ладонь от волнения стала такой мокрой и холодной, что Илью передернуло бы от прикосновения. Голос обрел металлическое звучание, а фразы выходили как у скучной канцелярской крысы, которая в жизни не слышала его песен. Даже свой главный козырь – «Я живу в Городе надежды» – выложила таким тоном, что у самой свело скулы. Почему Илья заинтересовался этим – необъяснимо.

Каждую секунду я удивлялась тому, что еще жива и сердце работает ровно, точно существует отдельно от меня. Я же сама находилась в двух реальностях одновременно: в той, которую ночь за ночью выстраивало мое воображение, и в этой – отличавшейся деталями обстановки и одежды, но не моим состоянием, до того близким к обморочному, что приходилось держаться даже несколько вызывающе, лишь бы никто ничего не заметил.

Под «никто» я имею в виду прежде всего его жену, хотя и понимаю, как несправедлива. Эта женщина годами оберегала того, чью руку я готова была целовать, даже если бы он ударил меня по лицу. Его рука была священна уже тем, что рождала звуки, от которых могли бы заплакать и травы, и звери, если бы Господь наделил их умением плакать. Я мысленно говорила о его жене «никто» лишь потому, что ее никогда не было в моих фантазиях, и мне требовалось вре-

мя, чтобы привыкнуть к ее существованию. Со всех сторон в меня заползали бытовые подробности их жизни, в те минуты казавшиеся ненужными, лишними. Теперь же я смакую каждую, высасывая тепло его пальцев: засушенный морской конек на книжной полке, глиняная мышка с огромными ушами, вишневая от старости роза в пивной бутылке – дань памяти Окуджаве, маленький картонный кораблик («У него есть ребенок?»).

Детей оказалось даже двое. Как в любой безупречной семье – мальчик и девочка. Я видела их только на фотографии, где Илья, сияющий, как тогда на сцене, держал обоих (совсем взрослых!) на коленях. Август они проводили в каком-то молодежном лагере. Я не стала спрашивать ни его названия, ни имен дочери и сына, чтобы Виктория не подумала, будто мне непременно нужно влезть в их жизнь до самого основания.

За ужином мы больше говорили о Городе надежды. Почему-то мне казалось, что любые слова застрянут в той рисовой каше, которую мы ели. Очень вкусной каше. Видимо, Илья чувствовал нечто подобное и никаких вопросов не задавал. Он вообще больше молчал, разглядывая размякшие крупинки так внимательно, словно читал по ним печальный рассказ о китайских сборщиках риса.

Мне показалось, жена его сидела как на иголках. Она то и дело спрашивала меня о чем-то, но ответов не слушала, и я чувствовала себя старой маразматичкой, разговаривающей с

тишиной. Ее интересовали вещи, совершенно друг с другом не связанные, и она просто загоняла меня в тупик. Я подумала, что Виктории тоже не помешало бы пожить в нашем Городе надежды.

Это я и предложила, когда с кашей было покончено. Втайне я надеялась, что на ее уговоры Илья поддастся скорее, а мне было все равно, будет Виктория рядом или нет. Целый вечер смотреть на него сквозь пламя костра и слушать его голос – какой праздник жизни! Пусть поблизости порхает яркая бабочка, в сравнении с которой я – блеклый мотылек... Нам хватит одного огня и для жизни, и для смерти.

Но оказалось, предстоит еще больший праздник – Илья вызвался проводить меня до вокзала. Вика не выказала ни малейшего желания посетить наше поселение, а Илья только вяло пробормотал, что ему надо подумать. Я уже решила, будто все кончено и мне только остается вобрать его напоследок всеми порами, пропитаться теплом, запахом и жить этим, сколько Бог даст... Наверное, что-то изменилось в моем лице – Илья словно очнулся и торопливо заверил:

– Слушайте, я еще не сказал «нет»! Вы же понимаете, все не так просто...

Он часто повторяет: «Слушайте...» Это звучит скрытой мольбой: «Слушайте меня! Как мне жить, если вы перестанете меня слушать?!» Я слушала бы его вечность, лишь изредка вставляя какие-нибудь восклицания, чтобы он не забывал о моем присутствии. Так и было, пока мы шли с ним

по незнакомому мне Красному Селу. Я пыталась запомнить его слова, но больше слушала голос – негромкий, певучий. Стал он таким со временем или был с самого детства?

Мне все хотелось выведать о нем, узнать имя матери, услышать первые стихи, просмотреть семейные альбомы, которые так раздражают обычных гостей. Я заполнила бы его детскими ликами свое бесплодное нутро и вынашивала бы бесконечно долго, оттягивая трагический момент отторжения от материнского тела. А потом я нянчила бы его, целомудренно касаясь губами только лба и щек. Фантазия может обрести плоть, если ты отдашь ей свою целиком. По-настоящему я ни с кем себя не делила – у меня не могло быть детей. Я принадлежала Илье от макушки до пяток. Только он об этом не знал...

Мы шли против ветра, и у меня все время слезились глаза. Редкие фонари проспекта расплывались желтыми пятнами, в которых лишь смутно угадывались очертания. Малоознакомый прекрасный город погружался в ирреальность оттого, что по нему шел человек, никак с реальностью не связанный. Он этого и не подозревал, но был весь – каждым кровеносным сосудом, всеми мышцами – порождением моей фантазии. Разве Илья Романов существовал отдельно от меня? Даже если он ходил, ел, спал и занимался сексом, его не было на самом деле. Только моя любовь могла оживить его, ведь и первый человек был всего лишь куском глины до того, как Бог вдохнул в него любовь.

– Значит, вы просто живете там, и все? Я не совсем понимаю, ей-богу!

Илья застал меня врасплох. Я и забыла о своем Городе надежды. Забыла, что вообще существуют отдельные города. Была неделимая Земля, и мы шли по ней – единственный мужчина и созданная им женщина.

– Вот приезжайте и посмотрите, – предложила я, с трудом собрав разбежавшиеся мысли. – Нет, правда! Можете даже не петь, если не... хотите. Просто побудьте с нами.

Он остановился и посмотрел на меня, забавно подобрав в усмешке подбородок:

– Одного моего присутствия будет достаточно для исцеления страждущих? Слушайте, вы меня ни с кем не путаете? Меня зовут не Иисус.

Я из последних сил попыталась отшутиться:

– Не может быть! Значит, мне дали неправильный адрес...

– Ася, сколько вам лет? – вдруг спросил Илья. – Я знаю, бестактно об этом спрашивать, но мне это просто покоя не дает, ей-богу! Вы вроде и на школьницу не похожи и в то же время только год пишете песни...

– Мне тридцать два, – ответила я без запинки.

Его неловкий вопрос даже обрадовал меня. Любой интерес с его стороны – это уже было больше того, что я могла ожидать.

– Ага, – неопределенно произнес Илья.

– В тридцать два вы уже были знамениты...

Он поправил без малейшего смущения:

– Да что вы! Гораздо раньше. Я думал, вам меньше. Вы такая... худенькая. А слабой не кажетесь, вот что интересно! Жаль, что вы не захотели мне спеть... Я попробовал бы предсказать, когда вам предстоит хлебнуть той же радости.

– Когда рак на горе свистнет...

Это вырвалось само собой, от горечи, привкус которой я ощущала постоянно. Илья внезапно расхохотался, опять напугав меня своим смехом:

– Вот так?

И пронзительно свистнул одними губами. И тут в меня словно бес вселился. Или проснулся от резкого звука, а до той поры пребывал в оцепенении, скованный отчаянием от того, что вокзал надвигался слишком быстро, а я еще так мало узнала об Илье и совсем не насмотрелась.

– Нет, вот так! – выкрикнула я и, сунув в рот пальцы, свистнула, как учил нас отец, когда мы выбирались в лес. Наверное, ему хотелось иметь сыновей.

Зайдясь восторженным хохотом, Илья звонко хлопнул по ноге, потом издал долгую залиvistую трель. И тотчас за углом отголоском возник вой милицейской сирены.

– Атас! – завопил Илья, совсем как мы в детстве, и, схватив меня за руку, бросился во двор.

Мы мчались в темноту, громко шлепая по лужам. Отзвук затихшего свиста еще звучал у меня в ушах, а в мыслях восторженно колотилось: «Его рука! Его пальцы! Его ладонь!

Запомни их... Он сам взял меня за руку!» Наконец мы рухнули на скамью.

Отдышавшись, Илья повернулся ко мне:

– Ну как, вы еще не передумали везти к вашим алкоголикам пьющего хулигана?

– Не передумала, – ответила я, глядя ему в глаза.

Их невозможно описать с помощью обычных средств вроде слов. Вряд ли станет понятнее, если я скажу, что глаза у Ильи – как песня. Или как роман, который читаешь запоем, сколько бы страниц в нем ни было. Или как перевернутое небо, в которое падаешь и падаешь, хмелея от восторга.

– Зря, – сказал он, не отводя взгляда. – Зачем рисковать?

Я могла бы и на этот раз отшутиться какой-нибудь пошлостью вроде: «Кто не рискует...» Но передо мной были глаза Ильи, такие чистые, словно в его жизни не было ни греховных помыслов, ни тем более поступков. И я не смогла покривить душой перед этой чистотой. Но и сказать полную правду было невозможно.

– Я хочу рискнуть, – вот все, что мне удалось выговорить.

Еще несколько секунд Илья все так же смотрел на меня, потом откинулся на спинку скамьи, заложив руки за голову, и громко простонал:

– О-о-о!

Что таил в себе этот возглас? Сожаление? Разочарование? Мое сердце колотилось, перебивая само себя, а мысли то и дело прерывались долгими паузами. Этот разнбой во мне

был так похож на хмельное забытие, что я потеряла счет времени. Сколько я не пила? Сколько мы молчали? «Год», – гулко колотилось у меня в голове, но я никак не могла сообразить, к чему относится это короткое слово, вмещавшее целых триста шестьдесят пять дней.

Почему так скупы слова, содержащие в себе целую эпоху? Год, век, эра... Бесконечность не поддается пониманию обычного человека, которым чеканятся языковые формы. Долгий срок не так подавляет сознание, если его имя проскальзывает в разговоре легким выдохом... Может, мы пробыли на той скамейке столько, что успели смениться четыре сезона. Я готова была сидеть с ним рядом до старости, чтобы однажды обнаружить, что мы оба умерли. И не удивиться этому... Моя любовь с самого начала неприхотлива. Прикасаться к нему – это уже роскошь! Достаточно просто видеть и слышать. Но Илья провел меня по краешку счастья, погрузив мою руку в свою собственную. И, наверное, даже не обратил на это внимания.

– Слушайте, – вдруг очнулся он, – сколько времени? Мы сидим здесь уже целый час, ей-богу!

Час?! Год! Век... Пока я пыталась выудить часы из-под узкого манжета плаща, Илья удивленно произнес:

– Вы не научились колдовать там, в своей лесной чаще? Я будто спал с открытыми глазами... Что за чертовщина? Мне с собственной женой неловко сидеть рядом просто так, не разговаривая. А сейчас я даже не заметил этого.

– Вы же сами сказали: мы одной крови, – глупея от счастья, пробормотала я.

На самом деле это я была его крови. Сумасшедший донор, ты отдал крови столько, что вены ссохлись в левой руке. А ведь она ближе всего к сердцу... Что же будет с твоим сердцем?!

– Поедем со мной! – вырвалось у меня, и я едва не убежала, поняв, что произнесла эти слова вслух.

– Сейчас? – ничуть не удивившись, спросил он.

– Я глупость сказала...

– Это ничего, – продолжил Илья тем же тоном. – Уже столько умного наговорили без вас... Озвереть можно от такого количества умных мыслей! Вы в детстве не выписывали в тетрадку мудрые изречения?

Я призналась, что выписывала. Он расплылся в улыбке, как естествоиспытатель, довольный проведенным опытом. Потом поинтересовался, облегчило ли это мою жизнь.

– Вы ничего не знаете о моей жизни, – сказала я в надежде, что он примется расспрашивать.

Но Илья только заметил:

– Да и вы о моей не больше. Хоть я, по-вашему, и «живая легенда». Люди знают об известных мира сего лишь то, что те сами пожелают открыть. Если бы я не захотел... сам не пойму зачем... показать вам, что творится с моей рукой, вы никогда и не узнали бы, отчего у Ильи Романова случился творческий кризис.

– Спасибо, – сказала я, не представляя, что к этому добавить.

Он насмешливо отозвался:

– Вам спасибо! Вы вообще-то кто? Не врач? Ну, не нарколог, это мы уже выяснили... А вообще? Нет?

– У меня родители – врачи.

– А-а-а, – обрадовался Илья. – Теперь понятно. Значит, это наследственное.

– Что именно? – не поняла я.

Его рука обрисовала в воздухе овал:

– Печать милосердия на лице... Так, а вы-то чем занимаетесь?

Пришлось сознаваться:

– Я – строитель. Точнее, архитектор.

– Так вот почему вы строите этот Город надежды!

– Не поэтому... (Для тебя! Только для тебя!) Но да, я его спроектировала. Другой работы у меня к тому времени уже не было...

Илья только промычал что-то, и я догадалась: последних слов он не услышал. Поняв, что я заметила это, он виновато растянул губы и покаянно произнес:

– Отвратительно признаваться именно вам, но я сдохну сейчас, если не выпью. Вы не получите. Просто посидите со мной?

– Ладно.

Что я еще могла сказать? Он обрадовался и почти бе-

гом направился к ларьку, коробка которого уныло светилась между домами. Едва поспевая за ним, я предупредила:

– Там вы не купите ничего хорошего!

Илья буркнул на ходу:

– Кто бы говорил! Вы-то должны понимать, что сейчас мне уже все равно.

– Это же ничего не исправит...

Он огрызнулся:

– Вот только без нравоучений! Я не глупее вас, уж поверьте.

– Я знаю! Но дело не в уме. Просто я уже прошла через это. И вы меня вытащили.

Он даже повеселел и остановился, не дойдя до ларька пары метров. Улыбнувшись, Илья оглядел меня с ног до головы, и я сразу по-новому почувствовала свое тело. Оно было нескладным и тощим, а лицо слишком бледным. Его жена в сравнении со мной казалась экзотическим цветком.

– Слушайте, вы что, решили теперь вытащить меня? Дудки! Ничего у вас не выйдет. Меня только Бог и может спасти.

– Каким образом?

Неожиданно Илья рассердился и выкрикнул:

– Вдохновение послав! А как еще? Что может быть сильнее и чище этого? Только оно меня и вытянет.

– Оно не придет, пока вы пьете.

Мне показалось, он готов ударить меня. Может, так оно и было, но Илья удержал себя в руках. Не произнеся боль-

ше ни слова, он подошел к ларьку и наклонился к окошечку. Я отвернулась, чтобы не видеть, как он сует голову в петлю. Мне было стыдно за саму себя... Я так нянчила и пестовала свою великую любовь к этому человеку, а когда понадобилось просто помочь ему, то оказалась беспомощна. Его жажда подмяла и расплющила меня вместе со всеми моими невероятными чувствами. Илье смешно было даже слушать меня. «Кто бы говорил!» – воскликнул он и был прав. И вместе с тем не прав до самого основания, ведь только я и могла говорить об этом.

Нет, я не валялась в свое время в канавах и не попадала в вытрезвитель. Я пила в одиночку, сидя в маленькой комнате общежития, куда переселил меня бывший муж. Раньше она принадлежала женщине, на которой он женился, потому что она могла родить ему ребенка, а я нет. Они переселились в нашу квартиру, а мне доплатили за те метры, которых я лишилась. Я пропила все эти деньги. С работы меня уволили, а родителям я ничего не говорила. Мне уже было тридцать – не самый подходящий возраст, чтобы бегать за помощью к маме с папой. Да и чем они могли мне помочь? Устроить на лечение в наркологический центр? Это я могла бы сделать и сама, если бы захотела. Но я не хотела...

– Это вам, – раздался сзади голос Ильи.

Я обернулась и едва не расплакалась: он купил мне подарок. Он – мне. Даже мое изощренное воображение не поднималось до таких высот. А Илья смотрел на меня и улы-

бался: светло, как ангел, и порочно, как его падший собрат. Коробочка «Рафаэлло» белела в его руках волшебной рождественской шкатулкой, спаянной из ледяных ажурных пластинок. Я приняла бы ее, даже зная, что внутри маленьких кокосовых снежков – ядовитые ядра.

Я понимала, что должна сказать «спасибо», хоть и догадывалась – с его стороны это просто отвлекающий маневр. Но чувствовала: сейчас из моего горла может вырваться лишь сипение или бульканье. И потому только молча кивнула, взяв коробку.

Мы вернулись на ту же скамью, и я убедилась, что Илья еще не совсем потерян для трезвой жизни, ведь он купил пластиковый стаканчик. Были дни, когда я припадала прямо к горлышку бутылки. Осторожно сжав стакан двумя пальцами, он приподнял его и заупокойным голосом произнес:

– Отче Бах, иже еси в винной смеси. Да изопьется вино твое, да приидет царствие твое; да будет недоля твоя, яко же в зерни, и в кабаце. Вино наше насущное даждь нам днесь и остави нам кубки наши, яко и мы оставляем бражникам нашим...

– Во шкалики шкаликов. Опрокинь, – закончила я «Все-пьянейшую литургию».

– А, знаете вагантов! – обрадовался Илья. – Ей-богу, с вами приятно иметь дело.

Выпив, он издал довольный стон и доверчиво поделился:

– Сейчас полечу... Вы уже видите? Нет, вряд ли...

– А что видите вы?

– Мальчишку. Он спит на кровати с металлической сеткой «валетом» со старшим братом. Им приходится спать вместе, потому что комната всего одна, а другую кровать занимают родители. Нет, мальчишка не спит! Он, как всегда, мечтает перед сном... Слушайте, почему я вам об этом рассказываю?

– О чем он мечтает?

Илья задумчиво посмотрел в пустой стакан, потом на меня, и я почувствовала, как он колеблется. И все же ответил:

– Стать птицей. Такой необыкновенной и красивой, чтобы все любили ее.

– Вас все любят.

– Да что вы! – печально откликнулся он. – Остановите на улице десяток прохожих, и девять из них не скажут вам, кто такой Илья Романов. Моя слава очень избирательна... Это огорчает мою жену. А меня радует, ей-богу! Я горжусь, что меня любят только умные люди. Вроде вас.

Я решилась опять повернуть его лицом к детству:

– Так что стало с той птицей?

– Она полетела, – уверенно ответил Илья. – Когда я засыпал, то видел землю с высоты. Мне хотелось облететь все страны и заглянуть во все окна. Вот это у меня не вышло! – Он без сожаления рассмеялся. – Но главное, что я взлетел. Брат мне помог.

– Чем? – быстро спросила я, надеясь услышать подсказку.

– Он придал мне уверенности в себе. Это было единствен-

ным, чего мне не хватало. Он заставил меня поверить, что я смогу взлететь... В нашей комнатке я чувствовал себя как в клетке. Меня, конечно, не мучило постоянно, как бы оттуда вырваться, — я был нормальным мальчишкой... Нет! — вскричал он, отодвинувшись от меня. — Зачем я вас-то в это посвящаю?!

В ответ я сказала:

— А я хотела стать конем.

Илья поперхнулся водкой:

— Кем?!

— Конем. Наверное, потому что была тихой домашней девочкой. Я представляла, как скачу по огромному полю, и оно, поросшее ковылем, все колышется. И ветер навстречу. И где-то впереди прохладная река. И я свободна...

Он весело подхватил:

— А над конем парит птица невиданной красоты. И земля принадлежит им двоим. А слившись, они превращаются в Пегаса... Бред собачий, ей-богу! Я уже совсем пьяный...

Помотав головой, Илья щелкнул пальцем по коробке:

— Ешьте же, они не отравленные.

— Я съела бы и отравленные, — пробормотала я и поняла, как откровенно это прозвучало.

Переждав, пока я отшуршу фантиком, Илья невозмутимо спросил:

— Потому что я подарил?

Понимая, что попалась, как шестнадцатилетняя девчонка,

я чуть заметно кивнула.

Тогда он спросил:

– Любишь меня, да?

Меня бросило в жар, хотя в его голосе не было ни издевки, ни торжества. Направленная на него любовь была естественна для Ильи, как лучи солнца, которые не могут пройти мимо, если оно появилось над горизонтом.

– Да, – произнесла я, не услышав своего голоса.

Сколько слышал он этих односложных признаний, вмещавших сотни ночей, невыносимых до боли в животе, и столько же дней, заполненных одной лишь безнадежностью, которая перетекала из весны в лето, и так до бесконечности? Я строила Город надежды, а сама не верила, что она может обронить в мою ладонь хоть перышко со своего крыла.

– Получается, это тебя вытянуло? – спокойно продолжил Илья, подливая себе водки.

– Да.

– А ты неразговорчива... Мне вот в последнее время тоже все чаще хочется помолчать. Но вокруг люди... Я боюсь показаться высокомерным. Человек ведь может подумать, что я пренебрегаю им, если не хочу разговаривать.

– Можете ничего не говорить, если так вам легче.

Но Илья вскинулся:

– Нет уж, я скажу! Я не желаю, чтоб наутро ты проклинала себя за то, что доверила мне свою тайну. Ты пришла ко мне и сказала все напрямик. Это вызывает во мне толь-

ко уважение, ей-богу! Я не из тех людей, которые одни и те же душевные проявления в мужчинах называют настойчивостью, а в женщинах – навязчивостью. Половые признаки присущи ведь только телам... Вот когда мужчина допускает дамские ужимки... Такие фити-мити, знаешь? Или когда девушка кроет матом и сплевывает под ноги... Вот это действительно противно! А в чувствах мы все равны. По крайней мере, я так считаю, а тебе ведь мое мнение сейчас важно узнать? Ты умная девочка... Ты избавишь меня от необходимости объяснять очевидное?

Я растерянно спросила:

– Что объяснять?

– Ну... то, что ты влюбилась в свою мечту об идеальном мужчине, а я на самом деле совсем не такой... Это так глупо, ей-богу! Не то, что ты влюбилась, а то, что иногда это приходится объяснять.

– Не надо объяснять, – заверила я. – Только при чем тут идеал? Вы сегодня уже достаточно потрудились, чтобы разрушить все возможные идеалы. Но, даже если вы сейчас свалитесь под скамейку или вас вырвет прямо мне на плащ, это ничего не изменит.

Раздумывая, Илья слегка покачал головой, потом еще выпил и сунул в рот «Рафаэлло». Прожевав, он сказал вполне трезвым голосом:

– Слушай, мы уже пропустили все электрички... Пойдем, я устрою тебя на ночлег. У меня друг живет в двух шагах

отсюда, переночуешь у него. Ты его не бойся... Он хоть и журналист, но вполне порядочный человек.

– Вы не любите журналистов?

– Я тех не люблю, кто пытается, унизив другого, показать, какой же он остроумный и эрудированный. А для этого не жаль и героя материала с землей сравнять... Вот от таких я держусь подальше. А Олег совсем другой, ей-богу! Я сразу понял, что интересен ему сам по себе, а не как очередная ступенька к вершине славы... Пойдем-пойдем, он уже не раз меня выручал!

Я мысленно закончила: «Когда ко мне являлись такие же влюбленные дурочки». Мне хотелось узнать, много ли их было, но я не могла спросить об этом без того, чтобы не навести Илью на мысль, что после можно будет так же рассказать кому-нибудь и обо мне.

Больше Илья не брал меня за руку. Да и теперь впору было вести его самого. Он то и дело спотыкался, налетая на нестриженные кусты, и надрывно смеялся.

– Я отвратителен, – неожиданно сказал он и остановился. – Ты правда любишь меня?

– Правда.

Если бы он прикоснулся ко мне хоть пальцем, я разрыдалась бы, но Илья только смотрел на меня, чуть покачиваясь и тяжело моргая.

– Странное у тебя лицо, – заметил он. – В толпе не обратишь внимания, а вот взгляд трудно оторвать. Так ты меня

любишь?

– Зачем вы об этом спрашиваете?

Он опять рассмеялся:

– Не знаю! Нет, вру. Знаю, конечно. Мне чертовски приятно это слышать! Ты, наверное, думаешь, что мне каждый день в любви признаются? На самом деле я уже давным-давно этого не слышал, ей-богу! Все мои поклонницы куда-то испарились, когда ко мне привязалась эта болячка... Может, они как-то пронюхали, что я уже конченный человек? Слушай, а ты можешь произнести эти слова вслух, а?

Вобрав побольше воздуха, я вложила в одну фразу всю накопившуюся во мне тоску:

– Я люблю вас.

Помните, я говорила, что слова разжижают чувство? Именно это и произошло. Илья услышал просто слова, и на его полусонном лице выразилось такое разочарование, что я почувствовала себя обманщицей.

– Спасибо, – протянул он. – Вот я и услышал... Ну ладно, пойдем.

– Илья...

Он оглянулся:

– А? Пойдем-пойдем...

И опять повернулся ко мне спиной.

Не понимаю, как это произошло. Наверное, я слегка захламелела от его дыхания, но я вдруг ударила по широкой спине ладонью, прямо между лопатками, и заорала:

– Да я же действительно люблю вас!

Выгнувшись от боли, Илья издал короткий вопль и повернулся ко мне – потрясенный и даже протрезвевший. По крайней мере проснувшийся.

– Вот это что-то новенькое, – медленно проговорил он, разглядывая меня. – Так мне еще никто не признавался.

Я готова была сунуть голову в подаренную им коробку, которую прижимала к боку, лишь бы не встречаться с ним взглядом. А Илья ничем не желал облегчить мою участь. Он не шевелился, молчал и ждал, когда я посмотрю на него. Но лучше бы я этого не делала: даже в теплом свете фонаря его глаза показались холодными, как тот самый синий иней, про который в детстве мы пели песенку.

– Стыдно, да? – издеваясь надо мной, спросил он. – Это же надо – поднять руку на Илью Романова!

И вдруг добавил:

– Я дал бы вам медаль за храбрость. Неужели все на самом деле так серьезно? Что я могу для вас сделать, Ася? Вы же понимаете, если я проведу с вами эту ночь, потом вам будет еще хуже?

– Понимаю, – опять я перестала себя слышать. – Но это не важно... Пусть будет хуже... Потом...

Илья вдруг выхватил из кармана бутылку и с яростным рыком швырнул ее в фонарный столб. Звон прошил меня насквозь, а он еще и закричал, отступая:

– Чтоб ты спилась потом? Нет уж! Я не хочу брать та-

кой грех на душу! Мне и без тебя в петлю хочется. А тут ты еще...

Он быстро отошел на несколько шагов, потом так же решительно вернулся и, опять схватив меня за руку, сильно дернул:

– Пошли.

На ходу Илья бормотал, как бы про себя, но я слышала каждое слово:

– Что от меня останется, если я буду спать со всеми, кто этого хочет? Почему, черт побери, вам песен-то не хватает?! Я им всю душу выкладываю, а им еще и тело подавай...

– Оставьте себе ваше драгоценное тело, никто его и не требует!

Обида и раньше делала меня злой, но я не думала, что это возможно с Ильей. Он быстро скосил на меня глаза – уже не такие холодные, хоть и сердитые, – и наконец замолчал. Затаскивая меня в подъезд, Илья остановился на площадке между этажами и так порывисто вобрал мои губы горячим ртом, что я даже не успела прочувствовать это ощущение.

– Так, да? – спросил он срывающимся шепотом. – Этого хочешь?

Но я не смогла ответить. Тусклая лампочка позади его плеча ослепила меня, и я перестала видеть. Только что-то смутное, темное маячило передо мной, постепенно растворяясь в полумраке подъезда.

– Что с тобой?! – вскрикнул знакомый голос. – Не пугай

меня, слышишь?

Но я уже и не слышала.

Глава 4

Проснувшись, он первым делом позвонил Олегу, у которого оставил Асю. Она пришла в себя еще в подъезде, провисев у него на руках всего несколько мгновений. Ее тело оказалось вовсе не костлявым, как представлялось Илье, местами даже мягким, но это он понял лишь потом, прислушавшись к оставшимся в руках ощущениям. И поймал себя на том, что и они кажутся знакомыми.

Тогда же Илья так перепугался, что только тряс ее и тащил куда-то, забыв, к кому направляется. Толчок подсознания заставил его остановиться у знакомой двери, и он несколько раз пнул по ней с такой силой, что отшиб большой палец. В этот момент Ася и пришла в себя. Илья так обрадовался, будто она вернулась с того света.

«А может, и с того, – не вовремя подумалось ему, – кто знает, где путешествует душа во время таких вот отключек?»

Размышлять над этим было некогда. Для верности он слегка потряс Асину голову, взявшись за подбородок.

– Вы вернулись? – спросил он с тревогой. – Простите меня, я такой дурак, ей-богу! Почему-то я не воспринял всерьез того, что вы сказали. Извините, я никак не мог предположить... Я же едва коснулся вас! А если бы поцеловал по-настоящему? Вы что, скончались бы тут в конвульсиях? Я же обычный человек, не Дух Господень – нельзя так на меня

реагировать.

Он продолжал говорить, уже убедившись, что Ася его не слышит. Не отвечая, она только мрачно смотрела на его губы. Непроизвольно облизнувшись, Илья тоскливо попросил:

– Слушайте, не надо так... Пожалуйста. Что мне с вами делать, а? Я с радостью осчастливил бы всех женщин на свете, только как? Научите меня.

– Я не знаю, чего хотят другие женщины...

– Да ведь вы пишете для них, – попытался он свернуть на более знакомую дорожку.

И Ася в самом деле встрепелась. Только отреагировала она опять не так, как он ожидал.

– Я пишу не для женщин, – отрезала она. – Я пишу для вас. Просто некоторым это почему-то тоже нравится...

«О-о-о, это безнадежно», – удрученно подумал Илья.

– Я не знаю, что на это сказать, – сознался он. – Я всегда писал для себя.

Он отвернулся, чтобы нажать кнопку звонка, и услышал за спиной:

– Именно это и дало мне надежду.

– Из которой вы построили целый город?

– Даже когда вы в песне говорите «ты», чувствуется, что это какое-то абстрактное «ты».

Илья оскорбленно спросил: «Ах, вот так?» – и перестал с нею разговаривать. Дверь наконец открылась. За те недели, что они обычно не виделись с Олегом Рябовым, Илья

успевал забыть, как его друг хорош собой. Первая же из влюбленных в Илью девушек буквально лишилась дара речи, увидев Олега. Подобный поворот до того обрадовал Илью, что он стал доставлять сюда некоторых посетительниц, как в вытрезвитель. И каждая тотчас переставала замечать своего давнишнего кумира. Порой Романову даже становилось досадно от того, как быстро его образ тает в их неверном сознании...

И все же он отводил к Олегу не всех. Позволял Илья себе это нечасто, чтобы не пошла дурная слава, и только с теми, кто ему действительно нравился. По его глубокому убеждению, жене он в такие моменты не изменял, ведь никого из этих девушек даже мысленно не примерял на ее место. Оно было занято однажды и навечно. Но что было делать, если соблазн порой заставлял его в минуту слабости? В другое время Илья переправлял его Олегу.

Позвонив утром, Илья уклончиво спросил:

– Ну как? Заморочил голову?

– Мимо, – уклончиво ответил Олег, давая понять, что Ася рядом. – Лучше приезжай.

– Не могу, – солгал он. – Делай с ней что хочешь. Избавляйся.

– В шкафчике над плитой, – сказал Олег, потом холодно спросил: – Я никогда не говорил, что ты – идиот?

– Это ты мне?! – поразился Илья.

– Тебе-тебе, друг мой!

– Это что-то новенькое...

– Ты – идиот, – снова прилетело по проводу. – Если бы меня кто-нибудь так любил, я бежал бы навстречу, расталкивая прохожих.

Илья прервал его:

– Можешь не рассказывать о своей импульсивности. Я не приеду. Мне это не нужно.

Он отключил трубку и застонал в голос, борясь с очередной судорогой. «Вот о чем я должен думать!» – Илья пытался массировать ладонь так, как делала это Ася. Жены уже не было, она работала с девяти, и он всегда завтракал в одиночестве, даже когда дети были дома, ведь их студенческий день начинался еще раньше. Илья до сих пор называл их детьми, хотя дочь уже собиралась выйти замуж, а сын – снять квартиру. Их отсутствие повергало Илью в еще большее уныние, и он уже ругал брата, подарившего племянникам путевки в молодежный лагерь. Труднее всего было в одиночку поддерживать разговоры с Викой, вымучивая каждую фразу. О чем говорить, когда хочется плакать? Но Илья помнил, что жена любила в нем сильного и удачливого мужчину. Он не смел жаловаться ей...

Когда дети бывали дома, Илья получал возможность перевести дыхание. Обычно они болтали без умолку, часто перебивая друг друга и ссорясь. На них было приятно просто смотреть: оба уродились черноглазыми и подвижными, как

Вика, но более жадными до жизни. Без них Илья откровенно скучал. Если бы сейчас кто-нибудь из детей оказался дома, ему не стало бы так страшно. Не от боли в руке, к ней он успел привыкнуть. Но от той неоправданной радости, которую Илья испытал, услышав по телефону: «Мимо».

Уже зная, как легче всего бороться со страхами, он отправился в ванную и извлек спрятанное за ацетоном лекарство. Судорога прошла, и его охватило то ликование, которое Илья испытывал много лет, пока писал песни. Когда рождалась идея и начинал звучать никому не слышный ритм – о! Какое же это было счастье! Ничто, кроме творчества, не давало такого упоения жизнью. В такие минуты хотелось прыгать и вопить от восторга: «Я живу! Я пишу!»

Теперь его почти так же волновало предчувствие опьянения. Илья торжественно поставил бутылку на кухонный стол и достал баночку с маринованными огурцами. Налив полный стакан, он радостно объявил:

– Я буду бороться с тобой, Ася!

Выпил залпом и засмеялся, возбужденный начатым сражением. Огурчик хрустел и скрипел на зубах, а Илья веселился, воображая, что измельчает своего неведомого врага. Вечного искуителя, что поселился прямо в нем. Его непросто изжить, но уж он постарается. Второй стакан этому очень поспособствует...

Не заботясь о том, что скажет жена, Илья бросил пустую бутылку в мусорное ведро. Она мягко шлепнулась на карто-

фельные очистки и замерла, указывая горлышком на Илью. Припомнив, как в юности они играли в общежитии в «бутылочку», он захохотал:

– Поцелуй сам себя, идиот! Я не говорил, что ты – идиот? Да какого черта?! Из-за чего... Она ведь даже не красивая...

Ловя уплывающее тело, Илья прошел в комнату и поставил последний диск Pet Shop Boys. Мрачность песни Discoteca выплескивалась прямо из его души.

– Мне тоже не с кем поговорить на этой земле, – выслушав несколько фраз, прошептал он прямо в черную сетку колонки, будто Нил Теннант мог услышать его. – Давай на пару поболтаем с ангелами, если тебе так же хреново, как мне...

Нил не ответил, он никогда не отвечал. Махнув рукой, Илья улегся прямо на ковре. Потолок волновался солнечной рябью, будто Илью и впрямь подхватило пространство неба. Он лежал на воздушной волне, раскинув руки, и в то же время летел куда-то, и смеялся вслух оттого, что на самом деле летит, и оттого, как это восхитительно.

В короткую паузу между песнями вклинился звонок. Рухнув на землю, Илья выругался вслух и с кряхтением поднялся. Но небо не желало отпускать его и покачивало из стороны в сторону, кружа голову. С трудом рассекая невидимые волны, он все же добрался до двери и открыл, даже не взглянув в глазок. Жена всегда ругала его за это...

– А! – издал Илья, сосредоточив взгляд на плавающем в воздухе бледном пятне. – Кто к нам пришел... Вовремя. Я

как раз готов ехать к алкоголикам!

Его так развеселила последняя фраза, что он весь скрючился от смеха. Но тут волна подтолкнула сзади, свалив Илью с ног. Приподнявшись на локтях, он с удивлением всмотрелся в лежавший у порога резиновый коврик.

– Грязный... Терпеть не могу грязь. А вы?

Ася подхватила его под мышки и поволокла куда-то. То ли помогая ей, то ли сопротивляясь, Илья бороздил ногами по полу и цеплялся за мебель.

– Ух, какой тяжеленный!

Попробовать затащить его на диван она даже не решилась и положила там, где Илья и валялся до ее прихода. Приподняв его голову, Ася подсунула маленькую подушку и села рядом, скрестив ноги и упершись локтями в колени, как часто делают мальчишки, дожидаясь чего-то важного.

– Чего ждешь? – грубо спросил Илья, изо всех сил удерживая веки. – Хочешь изнасиловать меня сонного?

Она равнодушно заметила:

– Не волнуйтесь, ничего с вами не случится. Поспите хоть пару часов. Нет, правда! А я вас покараулю.

– Караул не спит! – гаркнул он и, неожиданно успокоившись, с облегчением закрыл глаза. Прочувствовав, как в солнечном свете растворяются конечности, Илья простонал: – Я пускаюсь куда-то...

– Там хорошо. Спите.

– У меня ничего не болит...

– И не будет болеть. Мы вылечим вашу руку.

– Глупенькая, – пробормотал Илья. – При чем здесь рука?

– Я знаю, что ни при чем...

У него в памяти застряло: она знает. Что именно, Илья не вспомнил, даже проснувшись. Ася знала о нем что-то важное.

Пробуждение оказалось неожиданно легким, Илья такого и припомнить не мог. Он просто открыл глаза и увидел Асю. На том же месте и в той же позе. Но часы уверенно показывали, что он проспал не меньше трех часов. Скользнув взглядом по одежде, он с подозрением спросил:

– И что, интересно знать, вы со мной сделали? Я отлично себя чувствую.

– Честно? – Она без смущения смотрела ему в глаза. – Я поцеловала вас в губы. Невозможно было удержаться, понимаете?

Довольный ее ответом, Илья пробурчал:

– Нет. Мне никогда не хотелось поцеловать себя в губы.

Ася коротко засмеялась и протянула ему руку:

– Вставайте, я суп сварила. Это сейчас поможет.

– А, так мой караульный все же сбегал! Никакой надежды на этих женщин...

Он осторожно поднялся, но не ощутил ни тошноты, ни давящей тяжести в голове. На всякий случай Ася поддержала его под руку. Покосившись на нее, Илья заметил:

– Мне повезло, что вы сами через это прошли. Другую

женщину уже стошнило бы от меня такого...

– Ну, это вряд ли. У большинства алкоголиков жены непьющие.

– Вы дама принципиальная, да? – Он освободился от ее руки.

– Просто я не беру того, чего не заслужила.

«А меня она, выходит, заслужила?» – Он усмехнулся, но не решился этого сказать.

– Можно я поухаживаю за вами? – спросила Ася, остановившись посреди кухни.

Когда свет падал сзади, можно было поспорить, что это девочка-подросток.

– Давай, – машинально ответил Илья и уселся за стол, размышляя, почему эта женщина, единственная, не поддалась чарам его несравненного приятеля.

«Потому и не поддалась, что единственная в своем роде», – сказал кто-то внутри него, заставив Илью испуганно встрепенуться: не произнес ли он этого вслух?

– Мы с вами нигде не встречались? – решился спросить он о том, что давно не давало ему покоя. – Вы бывали на моих концертах?

– Нет, никогда. И мы не встречались. Это уж точно.

«Я такого не забыла бы», – закончил Илья за нее и улыбнулся, наблюдая, как она важно наливает в тарелку суп, словно играет во взрослую женщину, а сама прячет пупсика в нагрудном кармашке. Почувствовав его взгляд, Ася оглянулась

и спросила глазами: «Что?»

– Мне нравится на вас смотреть, – сознался он.

Ее губы дернулись и сразу побледнели. Положив половник, она отвернулась:

– Не надо быть жестоким. Вы ведь не такой, я знаю.

– Что я сказал жестокого? – изумился он.

– Вы не сказали... – Ася уперлась в стол, подняв плечи и совсем опустив голову. – Не сами слова... Просто за такими словами предполагается что-то... Нет, правда! Вы не обижайтесь, но у вас ведь ничего нет.

Илья требовательно спросил:

– Слушайте, что может предполагаться, если одному человеку нравится смотреть на другого? – не получив ответа, он так же напористо продолжил: – На меня тоже многим нравится смотреть, скажете, не так?

– Так, – безучастно согласилась она. – Вы очень обаятельный человек. Очень.

Илья слегка поморщился:

– Толку-то... Чем мне сейчас поможет мое обаяние?

Осторожно повернувшись, будто не зная наверняка, что окажется за спиной, Ася чуть склонила голову:

– Вам сейчас только одно поможет...

– Стакан водки, – мрачно заключил он.

– Если вы поедете со мной.

– В Город надежды?

Она кивнула и неуверенно улыбнулась.

– И буду строить там деревянные дома? Да, это выход. Больше я ни на что не гожусь.

– Может, вам просто надо переключиться? Если нет вдохновения, его ведь из себя не выдавишь.

– Да что вы знаете о вдохновении?! – разозлился Илья. – Сколько вы пишете? Год? А я – двадцать лет! И вы мне будете рассказывать, что делать, если не пишется? Да я не выходил из этого состояния все эти годы! Я сделал его ручным. Или оно стало частью меня, как мышцы, как кровь... А теперь я его не чувствую в себе. Оно умерло, ясно вам? Значит, и весь я наполовину мертвец!

Уверенно подняв полную тарелку, Ася поставила ее перед ним и спокойно сказала:

– Поешьте. С похмелья всегда зверски хочется есть.

– Ложку дайте, – буркнул Илья.

Его замутило от стыда, что он так непростительно сорвался. Крик Ильи в собственном доме был явлением исключительным. Чего ему никогда не хотелось, так это унижать кого бы то ни было, ведь Романов считал себя счастливым человеком и полагал, что немного обязан за это всем людям на свете.

Когда Ася, не глядя на него, села напротив, он виновато пробормотал:

– Слушайте, простите меня... Мы едва знакомы, а я уже столько раз вас обидел. Я свою жену за двадцать лет столько не обижал.

– Но вам хочется ее обидеть. – Ася внимательно разглядывала собственную руку. – Вы это знаете. И держите себя в узде.

– Да с чего вы это взяли? – опешил он.

– Я видела, как у вас вчера глаза почернели, когда она заикнулась о каше... Думаете, она не чувствует, что вы только сдерживаетесь? Ей так же тяжело, как и вам. Нет, еще тяжелее! У вас хотя бы осталась гордость за себя.

Положив ложку, Илья упрямо склонил голову:

– Не знаю, что вы себе нафантазировали, но для меня нет человека роднее, чем моя жена. Можете не верить, но я ни разу всерьез не изменил ей за всю жизнь. Так, эпизоды...

– Ну и отлично, – отозвалась Ася. – Поздравляю. Такой брак – большая редкость.

– Вы не верите мне?!

– Почему же? Верю. Я так и думала.

Она смотрела так прямо, что невозможно было усомниться в правдивости ее слов, и все же Илья повторил:

– Нет, не верите.

– Это вы сами не верите, – сказала она.

– Знаете что, – от ярости у него осел голос, – идите-ка вы отсюда! Вы меня раздражаете, ей-богу! Что за бесцеремонность? Никуда я с вами не поеду, выбросите это из головы.

– Ясно, – ничуть не изменившись в лице, Ася встала и указала на мусорное ведро: – Можно я возьму эту бутылку?

От этих слов Илья мгновенно остыл:

– Это еще зачем?

– Если повезет, найду еще несколько и сдам.

– И что?

– И ничего. Деньги будут. Я захватила только на обратный билет. Можно?

Он резко выпрямился:

– Ты что, напиться собралась?

– Вам бутылки жалко? – Ася не отводила взгляда от ведра.

У него вырвался беспомощный возглас:

– Дура! Мне еще и караулить тебя, что ли?!

– Зачем? Ешьте свой суп. Ничего со мной не случится.

– Да что ж это такое? – жалобно произнес он, озираясь.

Больше не дожидаясь разрешения, Ася вытащила бутылку, обмыв, положила находку в прозрачный пакет и молча пошла к двери.

– Так и потащишься с пустой бутылкой по городу? – крикнул Илья вслед. – Видно же!

Она даже не ответила. Опрокинув табурет, он бросился в прихожую и догнал Асю у самой двери. Вырвал пакет и прижал ее к стене.

– Ну что ты делаешь?!

«Это уже было». Его обдало жаром, но Асю он не выпустил. Раскаленные волны захлестывали мозг: «Было... Я не давал ей уйти. А еще раньше...» Он вдруг так ясно увидел случившееся еще раньше, что не заметил, как призрачная картинка сместилась из памяти, которой Илья даже не обла-

дал в полной мере, в ту реальность, где на полу валялась бутылка, где пахло его домом, его семьей...

– Я тебя помню! – вырвалось у него. – Я помню вот это...

Он хватал то Асины губы, то воздух, ставший душным, – легкие не заполнялись им до конца. А когда все же заполнились, оказалось, что Илья вдыхал страх. Незнакомый, необъяснимый, животный ужас перед тем, что должно было произойти после... Он не помнил этого. Но он знал.

Оттолкнувшись от стены, к которой она прижималась спиной, Илья ударился о противоположную. Из него вырвалось, обжигая, словно горлом хлынула кровь:

– Нельзя этого! Не могу...

Он сполз на пол и, точно закрываясь от Аси, подтянул колени к груди, обхватил их и уткнулся лбом. Все в его теле так и бурлило, но сутью была не страсть, а страх. Было слышно, как Ася сделала два шага, и ее дыхание шевельнуло его мягкие волосы на макушке.

«Чего я испугался? Не ее... Не себя... Во мне нет ничего, что может пугать. Чего же я так боюсь?» – Эти мысли проносились в глубине и не успевали заставить его задуматься по-настоящему, ведь это самое настоящее было заполнено тем, что существовало вне очертаний его тела. Оно тепло дышало ему в голову и ерзало рядом, пытаясь заглянуть Илье в лицо, но он крепко прижимался лбом к согнутым коленям. Тогда зазвучал голос:

– Я приходила сказать вам спасибо, но так ничего толком

и не сказала. Как следует не сказала... А вы должны знать, что вы удивительный человек. Вы настолько талантливы – от вас искры разлетаются! Одна попала мне в глаз, и я увидела мир другим... Помните, как осколки зеркала в «Снежной королеве»? Только ваши обратного свойства. Они дарят зрение, а не отнимают. Я прозрела.

Илья по-прежнему не поднимал головы, и тогда она сказала с его же интонацией:

– Слушайте, у вас все будет хорошо! Вот увидите. Источник такой глубины не может иссякнуть раз и навсегда. Очень скоро... Может быть, сегодня... Вы напишете новую песню. Поверьте мне. Это мой подарок. За то, что вы существуете. Вы дали мне больше, чем я могла мечтать...

Она еще немного подождала, но Илья все молчал. Почему-то ему представилось, что Ася улыбается, едва касаясь пальцами его каштановой пряди.

– Я знаю, что не сказала ничего нового. Наверняка вы слышали это сотни раз... Но может, вам уже давно никто этого не повторял? Я знаю, как важно такое слышать. Хотя бы время от времени... Я поняла это, когда стала писать сама.

Распознав, что она встает, Илья наконец поднял голову и с облегчением убедился, что страх растекся по темным углам передней.

– Как найти ваш Город надежды? Если я все же надумаю... Но я не обещаю! Ей-богу, если бы вы пришли ко мне тогда, год назад, я отправился бы с вами, не раздумывая! Но

сейчас... Петь старые песни... Будто на собственных поминках. Вы же меня понимаете?

– Конечно. – Она улыбнулась так беззаботно, что лицо ее стало совсем девчоночьим и живым. – Вы приедете к нам, когда напишете новую песню!

Ему вспомнилось, как они развлекались накануне:

– Когда рак на горе свистнет? А если моя рука опять заартачится?

– Я вам подыграю, – заверила Ася. – Я знаю все ваши песни. Нет, правда! И подберу новую, у меня хороший слух.

И вдруг спросила ученическим тоном:

– А это правда, что вы никогда не играли медиатором?

– Правда, – удивился он.

Ася с сожалением вздохнула:

– А у меня пальцы начинают болеть. Но я тоже научусь!

– Зачем?

– Но ведь так получается совсем другой звук! Или... А, ну конечно. Вы не верите, что из меня что-то получится?

– Да я еще даже не слышал, как вы играете! И что поете...

– Я спою вам у нас. Вы ведь приедете, я знаю.

Бутылка так и осталась на полу. Заперев дверь, Илья подобрал ее и вместе с пакетом бросил в мусорное ведро. Потом шкодливо хмыкнул и закопал ее в картофельной шелухе. В ванной он привычно глянул в зеркало и едва не вскрикнул, увидев в глазах песню. Трудно поверить, но именно так это и произошло. Илья всматривался в их голубизну, спокойную

и неяркую, как небо на рассвете, и на самом дне видел песню. Она еще не проснулась окончательно, не расправилась, но уже родилась, и теперь ничто не могло ее отобрать.

Задохнувшись восторгом, Илья наспех вытер руки и бросился в свой маленький кабинет, заодно служивший им с женой спальней. Выхватил из верхнего ящика стола чистый лист и, не присаживаясь, набросал первые строчки. Но следом уже поспели остальные, и пришлось сесть на ощупь, чтобы не упустить цепочку слов, которую он вытягивал из той пучины подсознания, куда уже полгода никак не мог забраться.

Он писал, зачеркивал и переставлял строчки, а сердце не переставало отстукивать вздох: «Это она... Наколдowała, ей-богу! Спасибо! Спасибо...» Когда рука так и взлетела над последним слогом, Илья шмыгнул носом и огляделся, жалобно кривя губы.

– Готово. – Он вытер глаза запястьем.

Заставив себя успокоиться, он перечитал текст и кое-что подправил. Потом разметил над строчками порядок аккордов, которые звучали внутри него.

– Мне надо услышать это, – умоляюще простонал он, обращаясь к больной руке. – Ну, пожалуйста! Пусть все сбудется до конца.

Но Асина магия ослабела на расстоянии, и боль опять сковала его пальцы. Вскрикнув, Илья схватился за руку:

– Все, все! Даже пробовать не буду!

«Что-то она сказала...»

Он попытался вспомнить это спасительное «что-то», и оттого, как сильно Илья напрягся, остро закололо в левом виске. Но из памяти уже удалось выдернуть: «Я подыграю вам... Подберу новую песню...»

Вскочив, Илья бросился из дома, на ходу надевая плащ. Сознание лихорадочно подсовывало догадки: «На станции... В клубе... Нет, на станции». Он бежал за ней, как напророчил Олег, расталкивая прохожих. В последнее время жизнь Ильи с избытком пропиталась страхом, но сейчас ему казалось, будто он теряет собственную душу. И, чтобы этого не произошло, он готов был бежать на край света.

Глава 5

Это было как во сне. Я только что поставила за Илью свечку в маленькой розовой часовне неподалеку от его дома и, помолившись, вышла на улицу. Часовня была отделена от суеты небольшим сквером, в котором никого, кроме голубей, не оказалось. Они не обратили на меня внимания, и я тоже не стала мешать им. Только подумала, как же хорошо быть таким довольным собой существом. Расхаживать, подергивая пустой головой, и воровать у ближних крошки хлеба, ни о чем больше не заботясь. Может, я чересчур много напихала в свою голову? Стараюсь не выдавать этого, чтобы меня не изгнали из стаи. Я уже оставалась одна и погибла бы, если бы не появился Илья.

Он и на этот раз возник так же неожиданно, застав меня врасплох. Выбравшись на улицу, напоминающую мутную реку с перекатами подземных переходов, я в нерешительности остановилась, вспоминая, в какой стороне вокзал. И увидела, как навстречу идет Илья, слившись с толпой, в которой его никто не узнавал. Наверное, с каждым годом его будут узнавать все реже, ведь в нашей стране сейчас знают в лицо лишь политиков и бандитов. Остается надеяться, что в каждом городе найдется хотя бы десяток людей, которые будут продолжать заглядывать друг другу в глаза, а не в кошелек.

Я и увидела сперва его глаза. Они плыли над головами

тех, кому не было до Ильи дела, как две капли грустного дождя, не долетевшие до земли. Они попали в безвоздушное пространство: я почувствовала, как он задыхается. Меня он не видел, а я смотрела, не понимая, что происходит, ведь Илья шел с противоположной его дому стороны. Не обратив на меня внимания, он прошел мимо, обдав знакомым запахом, который я, как зверь, учуяла среди выхлопных газов. И вдруг сбавил шаг, заметив не меня, а какое-то несоответствие в движущейся толпе. Илья обернулся и – остановись, мгновенье! – синие капли засветились, хотя небо к полудню затянулось тучами.

– Ася! – крикнул он, и мне нестерпимо захотелось, чтобы меня тотчас поразила молния, ведь ничего прекраснее этого звука («Он зовет меня!») уже не суждено было услышать.

Его голос прозвучал радостно, почти счастливо. В тот момент я еще не знала этому объяснения и решила, что свершается некое волшебство, которое пробудила к жизни моя свечка. Хотя я молилась вовсе не о его любви, а только о нем самом.

– Что вы здесь делаете? – от скрытого ликования его голос стал почти незнакомым. Но, оглядевшись, Илья небрежно отмахнулся от собственного вопроса: – Ну, не важно... Слушайте, Ася, вы можете вернуться? На четверть часа, не больше, клянусь! Потом я отвезу вас на такси.

«Глупый, – пульсировало у меня в мыслях, – зачем ты уговариваешь? Я вернулась бы и на целую жизнь».

– Это очень важно! – Он восторженно засмеялся, как мальчишка, впервые познавший любовь. – Нет, не скажу! И не спрашивайте. Должен же я вас заинтриговать!

– Уже, – выдавила я. – Идемте.

И внезапно поняла, что (единственное!) могло сделать его таким счастливым. Он написал песню. Я была ни при чем... Хотя как это ни при чем? Разве не об этом я молилась? Не за это ставила свечу? И была услышана...

Чтобы его сюрприз состоялся, я прикинулась дурочкой. Неглупой женщине это проще простого, если ей по-настоящему хочется доставить мужчине удовольствие. Потрясенный взгляд, несколько восклицаний: «Да что вы?! Правда?», недолгое оцепенение... Все это я разыграла как по нотам. Илья радовался как ребенок и едва не прыгал по комнате. Мое изумление подстегивало его, как циркового жеребца. Он готов был сигануть в огненное кольцо и позволить мне скакать у него на спине.

У меня даже возникли опасения, что его рассудок слегка помутился от неожиданной радости и песня может оказаться вовсе не так хороша, как ему представляется. Но я напрасно боялась. Илья не изменил себе. Прорывавшаяся в балладе страстность, как всегда, была выверена и потому не раздражала нарочитостью, а глубина образов оказалась доступной настолько, чтобы не оскорблять слушателя.

– Вы подыграете мне? Вы обещали! – сияя всем лицом (даже щеки стали лосниться от удовольствия), спросил Илья.

Хотя в этом не было нужды, он ведь знал: я сделаю для него что угодно. А может, просто забыл об этом.

Изучив листок с размеченными вдоль текста аккордами, я взяла его гитару и стала подбирать, а он, усевшись передо мной прямо на пол, принялся тихонько напевать. Было заметно, как Илье не терпится запеть во весь голос, хотя он был у него не особенно сильным. Я сказала бы, что в его подаче песен был некий аристократизм. Илья никогда не сливался со зрителями, не становился «своим». Он парил над ними, всегда – над. И потому Романов никогда не был любимцем «широких народных масс». Его любили только те, кому хотелось приподняться над собой. Как мне.

– Нет, не так! – нетерпеливо заявил он и, подскочив, сел справа от меня. – Давай-ка я покажу. Ты зажимай левой рукой, а я буду играть правой.

Мы разместили гитару где-то посередине, но все равно было неудобно, хотя Илья и сел полубоком, прижавшись ко мне. Пришлось собрать все силы, надеясь, что их хватит на то, чтобы удержать струны.

– Если бы я был таким же худеньким, нам было бы удобнее, – пожаловался Илья. – Я слишком большой, чтобы с кем-то делить инструмент. Но давай все же попробуем.

Его длинные, крепкие пальцы ловко забегали по струнам, а губы так и задрожали от удовольствия. Я видела их краешком глаза, успевая следить и за своей рукой, и за последовательностью аккордов на листке. Губы Ильи сжимались

на счет «раз», который пульсацией отдается в каждом музыканте.

– Это так здорово! – решила сказать я. – Это лучше всего, что вы написали до сих пор! Какие стихи...

– А мелодию запомнила? – спросил он, не глядя на меня, но не отодвинулся.

– Я так не сумею. Это для меня слишком... виртуозно.

Илья польщенно хмыкнул, горячо дохнув мне в лицо:

– Ну, в этом мне далеко до Эрика Клэптона! Я все-таки на другом акцент делаю.

– Я знаю, на стихах. Но все равно вы очень изысканно играете.

– Учись! – Он засмеялся.

– Давайте выступать дуэтом! Я буду вам аккомпанировать.

Пока ваша рука окончательно не поправится.

Он удивился:

– Дуэтом? А как же... твои песни? Я их не буду петь.

– Да кому они нужны – мои песни?!

Вынудив посмотреть ему в глаза, Илья строго сказал:

– Слушай, никогда не говори так. Не предавай себя так легко. Не ты дала себе талант, не тебе его и приканчивать.

– О каком таланте вы говорите? Нет, правда! Вы ведь даже не слышали моих песен... Хотите? – спросила я с надеждой.

Но Илья сказал:

– Не хочу.

И отобрал у меня гитару.

Если бы он решил в тот момент отрубить мне голову или вырвать сердце, я и то не шелохнулась бы. Я погружалась в его губы, не дыша и не шевелясь. Они были точно такими, как я представляла триста рассветов подряд. Утро никогда не разгоняло ночного наваждения. Изводя меня, оно подпитывало его своим безмятежно розовым светом, и так продолжалось невыносимо долго. До сегодняшнего дня.

– Скажи, что любишь меня, – прошептал он, позволив мне глотнуть воздуха.

– Люблю вас...

– Тебя. Скажи: тебя.

– Я люблю тебя. Только тебя. Всегда только тебя.

– Всегда? Ты же говорила – год.

Он стянул с меня пуловер и на миг отстранился, жадно оглядев. Взгляд у него вновь стал пьяным. Его губы впились в мою грудь так, что становилось больно, но это была та боль, что стоит любого наслаждения.

– Я любила тебя всегда... Даже когда еще не видела. Еще до того, как услышала твои песни, а это было... Очень давно... Я родилась с этой любовью...

Я говорила и говорила, догадываясь, как важно ему услышать это. Куда важнее, чем овладеть мной... Я опутывала его словами, и он все больше слабел и отдавался мне. Именно так: он – мне, а не я – ему. Его желание против моего было легким пуншем в сравнении с выдержанным вином, которое не просто кружит голову, но хватается за сердце. Как мне уда-

лось тогда не завопить на весь свет, победно откинув голову: «Он мой!» Но, даже если бы крик ликования вырвался из моей груди, в которой щемило так, будто останавливалось сердце, эти слова остались бы только словами. Ведь Илья не стал моим.

Он испугался.

Его раскрасневшееся лицо помертвело в тот момент, когда я уже ощутила ногой его желавшую меня плоть. Нас разделяло одно порывистое движение... Еще чуть-чуть, и мы соединились бы перед лицом Бога, перед текстом возродившей Илью песни, перед его гитарой. И тут что-то произошло... Я до сих пор спрашиваю себя – что? Наверное, Илья и сам не ответит. Он словно увидел призрак. Он смотрел на меня сверху, и глаза у него трезвели от ужаса.

– Ты что? – Я невольно сжала его локти: так было похоже, будто сейчас Илья вырвется и убежит.

– Не... не знаю, – заикаясь, произнес он. – О боже... Я не знаю. Не могу...

Я уже и без слов почувствовала, что он не может, что силы внезапно покинули его. Сбросив мои руки, Илья сел рядом, закрыв ладонями лицо, и едва слышно пробормотал:

– Вот черт, никогда этого не было... Что случилось? Я с ума сойду, если не пойму.

Я осторожно прижалась к его горестно согнувшейся спине. Он только чуть дернулся, но не оттолкнул меня. Может, угадал, что большего мне и не нужно: посидеть вот так, при-

жавшись к нему, и унести в себе эти волшебные ощущения.

– Отвратительно, – глухо сказал Илья, и я, не видя, почувствовала, как кривятся его губы. – Я сам себе противен... Представляю, как тебе...

Он опять ждал слов, и я не заставила его мучиться. Прижав пальцами маленькие красные пятнышки у него под лопаткой («Вобрать и запомнить!»), я сказала как можно мягче:

– Я видела тебя пьяным. Увидела испуганным... Ну и что? Я ведь любила тебя не за трезвость и здравомыслие. Ты – это ты. И ты можешь быть любимым. Я буду любить тебя, несмотря ни на что.

– Женская душа – потемки. – Он слегка воспрянул духом.

– Да нет, все как раз очень просто. Я люблю тебя. Что может быть понятнее?

Наконец Илья решился повернуться и обнял меня. Потом затащил на колени, и я погрузилась в его объятия, как измученный болезнью ребенок в здоровый сон. Илья покачивал меня и поглаживал, а я опять думала о том, что не хочу пережить этого. Потребности любви возрастают с каждым шагом вглубь: еще вчера я мечтала только увидеть его. Только подумайте: увидеть живого Илью Романова! Сказать ему пару слов... Боже, какой подарок судьбы! И вот я сидела на его голых, мохнатых коленях, прижималась к влажной груди, ощущала его знаменитые руки на своем животе и бедре – и уже хотела почувствовать все это вновь. И не один раз.

О постоянстве не могло быть и речи, но хотя бы... Сколько? Я боялась загадывать.

– Что-то изменить может лишь моя смерть, – продолжала я убеждать его. – Только знаешь, я верю в загробное царство... Именно – царство! Хотя где-то же нам должно быть хорошо! Я буду поджидать тебя там.

– Ты что это, на тот свет собралась? – Илья натянуто улыбнулся. – Я тебя не отпущу. Кто мне будет аккомпанировать? Вот уж не думал, что придется выступать в роли солиста!

Его слова привели меня в восторг. Выходило так, будто Илья нуждается во мне больше, чем я в нем. Одна только любовь не являлась для него веским поводом удерживать меня. «Пусть так, – с ходу согласилась я про себя. – Хотя ненадолго. Пока у него рука не поправится». Заманчивая перспектива подыгрывать Илье до конца жизни не могла помешать мне вылечить его руку. Я знала, кто может это сделать. Осталось только уговорить Илью поехать со мной в Город надежды.

– Уже почти пять, – виновато напомнил он, и я догадалась, что вскоре его жена вернется с работы.

Я уже хотела встать, но Илья опять удержал меня и сделал рукой такое движение, что у меня вырвался вскрик. У него опять помутнели глаза, но предпринять что-либо он не решился, только прошептал:

– Слушай, я правда хотел этого. Очень. И сейчас хочу. Я не знаю, что со мной... Мне вдруг показалось... Ты не сме-

ешься?

– Нет-нет! Что ты?

– Глупо ужасно. Мне почудилось, что умру прямо на тебе, если... Ну, ты понимаешь!

– Если мы по-настоящему будем вместе?

– Да-да! Ты все понимаешь, даже то, чего я не говорю. Почему ты все понимаешь? Ты ведь женщина.

Мне хотелось ответить, что тут большого ума не надо, но успела догадаться: он имеет в виду не только этот разговор.

– Я приеду к тебе. Только ради твоих братьев-алкоголиков я не стал бы выставять напоказ свою беспомощность... Но к тебе я приеду. Может, завтра. Или через денек. Будешь ждать?

«Мой простодушный мучитель, – думала я, с прорвавшейся жадностью целуя его мягкие губы. – Ты же знаешь, что я никогда не перестану ждать тебя!»

Мы вышли из дома вместе, но у меня было такое чувство, будто я ухожу от него. Что мы расстаемся, так и не соединившись. Что я опять возвращаюсь во вчера, где Илья – только голос на кассете и лицо на экране телевизора, которое мелькает реже и реже. Это состояние – «Я. Ухожу. От него» – можно передать лишь словами: смерть покажется избавлением. Но это способен понять лишь тот, кто сам переживал такое. Или может просто поверить мне...

Когда мы прошли через двор мимо мусорных баков, я представила: если бы жила с Ильей, могла бы выбегать к ним

с тем самым ведерком, откуда стащила пустую бутылку. А в этом магазине со смешным и значительным названием «Сытый желудок» я покупала бы молоко и булочки к чаю. Он любит булочки?

– Ты любишь булочки?

От изумления Илья приподнял широкие брови, обозначив морщины на лбу:

– Что-что? Булочки?

– Я куплю к твоему приезду. В деревне по соседству роскошная пекарня!

Он вдруг приобнял меня и ласково пободал, будто мы давно были близкими людьми:

– Прямо-таки роскошная?

– Там даже печатные пряники делают! Медовые и ржаные с повидлом. Каких тебе купить?

– Ася... – начал он напрягшимся голосом.

– Да я все понимаю! Ты же сам говорил... И еще говорил, что глупо объяснять очевидное. Мне не надо объяснять, что ты женат. Но пряник-то я могу тебе купить!

Илья уцепился за последнее слово, чтобы сменить тему:

– Слушай, а на что ты его купишь? Ты же говорила, что у тебя денег нет.

– С собой нет. Я недавно спроектировала загородный дом одному... Как бы лучше назвать?

– Бизнесмену, – насмешливо подсказал Илья.

Мы уже прошли стоянку, где уныло ожидали пассажиров

несколько одинаковых машин с зелеными огоньками, а он до сих пор не взял такси. А я и не торопилась. До последней электрички у меня оставалось еще больше трех часов.

– Он поселился рядом с нами, и ему понравилось, как я там все придумала. Он меня и нанял. Только он строил из настоящего дерева, не то что наши засыпухи. Так вот, наполовину он уже расплатился.

– Второй половины не дождешься, это точно, – вздохнул Илья. – Они всегда так делают, я по своему брату знаю.

– Ну и пусть подавится! – ляпнула я сгоряча, а потом вспомнила, как Илья говорил о девушках, которые ругаются и сплевывают под ноги.

Но в этот раз он только рассмеялся и опять побоедал меня. Лоб у него был высоким и в обрамлении темно-каштановых волос казался «вельможным». «Каких он кровей?» – с любопытством подумала я, но спрашивать не стала, избегая тем, которые могли не доставить Илье удовольствия.

Действуя наверняка, я спросила:

– Я слышала, о тебе есть книга?

Он с удовольствием подтвердил:

– Олежка написал. Тот, у которого ты ночевала. Он же музыкальный журналист. Он, кстати, не приставал к тебе?

Я заверила, что Олег ко мне и пальцем не прикасался, и он успокоился:

– Прекрасно. Одной проблемой меньше.

Меня тянуло узнать, какие у него еще проблемы, кроме

непослушания пальцев, но Илья мог счесть меня бесцеремонной. Я и сама избегала людей, которые, едва подержавшись за руку, начинают лезть в твои дела.

Так мы шли и болтали, словно старые приятели. Я уже догадалась: Илья решил добираться до станции пешком, и ничего не имела против, хотя каждый шаг отдавался во мне такой болью – сердце заходило. Но боль лучше бесчувствия. Я боялась, что стоит Илье повернуть к своему дому, как все во мне омертвеет.

Уже совсем стемнело, а фонари всегда включаются позднее, чем нужно. Говорят, в них вмонтированы датчики и фонари зажигаются сами в зависимости от освещенности улицы. Но мне всегда казалось, что где-то над городом сидит маленький злобредный старикашка и наслаждается, наблюдая, как прохожие спотыкаются на неразличимых тротуарах и попадают в лужи. Наверное, он хихикает там, в своем тайном убежище.

– Слушай, что со мной? – неожиданно произнес Илья потерянными голосом. – Ведь толком же и не было ничего, а мне кажется, что я брошусь за поездом, когда ты уедешь!

Забыв о благоразумии, я взмолилась:

– Поедем со мной!

– Я не могу... Не сейчас. Что ты? Я не имею права так поступать. Просто уехать... Нет, это немыслимо! Мы двадцать три года были с ней вместе. Целую жизнь! Знаешь, я влюбился в нее, едва увидев. Ты же ее тоже видела... А тогда

она вообще была как восточная принцесса. Глаза так и горели... Господи, о чем я говорю! – Он схватился за голову и умоляюще простонал: – Она ведь моя жизнь, понимаешь? Я не представляю, как могу существовать без нее!

– Да что ты, милый мой. – Я гладила его руки, пытаюсь успокоить. – Ничего ведь не случилось! Ты не потерял ее. Ты остаешься с ней. Илья выкрикнул, толкнув плечом пожилую женщину и не заметив этого: «Да знаю я, знаю! Все остается как было. Отчего же мне так чертовски плохо?! Что ты со мной сделала?»

– Я люблю тебя.

Его скованное отчаянием тело мгновенно расслабилось, а прозрачные глаза наполнились благодарностью:

– Да. Именно это. Оказывается, так важно знать, что тебя кто-то любит...

– Тебя многие любят. Очень многие.

– Не меня. Пьяного и перепуганного... Мои песни. А ты – меня. Я это почувствовал. И я хотел доставить тебе радость.

– Я это почувствовала.

Его губы снова дрожали от нетерпения, но я понимала, что, если бы мы опять попытались сблизиться, Илья вновь испугался бы. Объяснить этого я не могла, но чутье подсказывало, что все это как-то связано и с его рукой, и с кризисом, от которого Илья еще не отошел. И со мной...

Мы целовались, стоя посреди улицы, как если бы она была пустой. И огромный город был пустым, и весь мир... С каж-

дой секундой Илья все больше становился моим. Я чувствовала, что он уже готов раствориться во мне, даже не входя. Еще чуть-чуть...

Но тут зловредный старикашка включил фонари. Илья отшатнулся, оторвался от меня, и лицо его в искусственном свете опять помертвело.

Глава 6

– Илюша...

– Что, Хаврошечка?

– Вот опять! Ну сейчас ладно, мы одни. А при посторонних не зови меня так.

– Почему? – удивился Илья.

Она поднялась на локте и с виноватым вздохом разгладила одеяло у него на груди. Тонкая полоска лунного света, проникая между шторами, падала поперек кровати и делила их тела пополам. Вика вдруг задумалась: какую из половинок мужа она охотнее оставила бы себе? И решила, что верхнюю. Ей так нравилось его лицо... Виктория и сейчас помнила, как четверть века назад Илья обернулся к ней в троллейбусе, когда она попросила передать на билет, и серо-голубая бездна его глаз, в которую почему-то не страшно было падать, утянула ее.

Еще раз вздохнув – ей и самой было неприятно говорить мужу даже мало-мальски обидные вещи, – Вика вытянула трубочкой губы, как девочка, которая просит отца не сердиться за позднее возвращение.

– Илюша, они же не понимают, почему ты меня так зовешь. Мне ведь не пятнадцать лет. Им может быть смешно...

– Ну и плевать! Какое нам с тобой дело до того, что кому кажется? Смешно... Да ты ведь и есть смешная, ей-богу!

Кто виноват, что у тебя такое ягодное имя? У меня язык не поворачивается назвать тебя Викторией.

Она сдвинула брови и зажала в кулаке край его одеяла.

– Илья, ты честный человек?

– Нет, – без промедленья ответил он.

– Ну-ка, говори правду! – потребовала Вика.

– Слушай, как нечестный человек может сказать правду?

– Илюша, я подозреваю, что ты собрался ехать в этот Город надежды.

У него сжалось сердце, но голос Илью не подвел:

– Тебе название не нравится? Действительно претенциозное.

– Да не в названии дело! Но ты ведь сейчас даже платных концертов не даешь, а тут еще какие-то алкоголики... Я думала, ты отдохнуть хочешь.

– Да я уже зверею от этого отдыха, – изо всех сил сдерживая гнев, процедил Илья. – Неужели ты не понимаешь? Я чувствую себя никому не нужным, если долго не выступаю!

Она с усмешкой повторила старую шутку:

– Ты – публичный мужчина.

«Жалкая, – подумал он. – Твердит одно и то же». У него даже в груди защемило от сострадания к жене. За последние полгода Илья успел понять, как это страшно: быть жалким человеком.

Он провел пальцем по ее бархатистой щеке и прошептал:

– Ты становишься все красивее, госпожа моя. В шестьде-

сят лет начнешь сниматься в рекламе.

– Правда? А эта Ася такая бледная, ужас! Может, она еще пьет? Прямо землистая какая-то...

«Все у нее некстати получается! – Ему даже пришлось мышцы напрячь, чтобы не отдернуть руку. – Вот зачем она это сказала? Зачем приплела Асю?»

По-настоящему разозлиться Илья не мог, потому что, как всегда после близости, находился в состоянии беспомощной расслабленности и был способен только лениво перебрасываться репликами. Все же, убрав руку, он ответил:

– Какое нам дело до цвета ее лица? Ты должна быть снисходительна к некрасивым женщинам.

– А ты считаешь ее некрасивой? – обрадовалась Вика.

Илью перекосило: «Как это по-женски...»

– Я же еще не ослеп от старости... И ничего со мной не случится, если я полчаса поиграю у костра.

Ободренная его словами, Вика подсказала оправдание:

– Ты хочешь поддержать этих несчастных? А возьми меня с собой!

Илья захохотал так громко, что она испуганно зажала ему рот. Высвободившись, он ласково упрекнул:

– Дауночек, ты не меняешься!

– Ну почему я опять дауночек?!

– Подожди! Господи, я ведь так и не сказал тебе самого главного! Я сегодня песню написал, – Илья сам заслушался музыкой этих слов. – Хочешь послушать?

Вика испуганно встрепенулась:

– А который час? До завтра это не может подождать?

– Что? – Он громко сглотнул. – Что ты сказала?

– Да я только...

– Не повторяй, я уже понял.

– Ты что, обиделся? Илюша, но ведь...

Не позволив ей договорить, Илья спросил:

– Какое сегодня число?

– Девятнадцатое. А что?

– Дети скоро вернутся. Опять будем жить в сумасшедшем

доме.

– Да тебе ведь это и нравится! Вот когда разбегутся кто куда, останемся доживать, как два сыча...

Он притянул ее и забылся, вобрав знакомый запах волос. Шампунь периодически менялись, но собственный Викин запах пробивался сквозь искусственные оболочки. Илья распознал бы его среди сотни других. Это был запах поля его жизни.

«Она не виновата в том, какая она. – Илья старался быть справедливым. – Я всегда понимал о ней все... И принимал. Раз другой она быть не может, надо любить такую... Вот жуткое слово – надо!»

– Почему-то я никогда не спрашивал тебя об одной вещи. – Он почувствовал, что начал опасаться ее ответа, еще не закончив. – Это странно...

– О какой вещи?

Викина голова удивленно приподнялась, и распущенные на ночь волосы бессильно обвисли. Илья привык видеть жену собранной в живой комочек, и ему опять стало не по себе.

– Может, тебе это покажется глупым, но... В кого ты мечтала превратиться в детстве?

– Что значит превратиться? Кем стать?

«Она не понимает, о чем я, – удрученно признал он. – И ей этого не объяснишь».

– Кем стать – это сводится к выбору профессии. А я говорю совсем о другом...

– А я и не хотела никакой профессии, – с легкостью перебила Вика и вновь откинулась на подушку. – Я мечтала выйти замуж и родить двоих детей.

Пытливо вглядываясь в ее по-женски округлый профиль, Илья уточнил:

– В детстве? Это и была твоя главная мечта?

– А что? Скажешь, плохая мечта?

– Нет, замечательная, ей-богу! И больше ты ничего не хотела?

– Нет. А что?

– Значит, все сбылось?

– Ну да. Я самая счастливая женщина! Ты какой-то чудной сегодня...

Убаюкав жену, Илья неслышно выбрался из-под одеяла и, прихватив халат, на цыпочках вышел из спальни. Не вклю-

чая свет, он оделся, слегка передергиваясь от холодка, успевшего скользнуть по телу. Нашупал в темноте телефонную трубку и, укрывшись с нею на кухне, набрал номер Олега.

– Эй, привет, ты там занят? – спросил он с опаской.

К его удовольствию, Олег безмятежно ответил:

– Как ни странно, свободен.

– Слушай, со мной что-то происходит...

– Та девушка, да?

– Не такая уж и девушка... И она ведь даже не особенно красива. И ничего толком не было, ей-богу!

– Да я верю...

Илья требовательно спросил:

– Что же происходит? Я места себе не нахожу. Сколько их уже приходило таких... И все объяснялись в любви.

– А ты всех сплавлял мне...

– Ну не всех!

– И на том спасибо...

Понимая, что выглядит ревнивым идиотом, Илья пробормотал в трубку:

– А она как? Ты совсем не произвел на нее впечатления?

– Я ведь тебе сразу сказал, что мимо. – Олег звучно зевнул. – Ой, извини, это случайно.

– Я заканчиваю. Слушай, а почему ты... Почему она...

Олег издал отрывистый смешок:

– Она прошла проверку. Чем ты недоволен?

– Да ты ведь самый шикарный парень на свете, – искренне

отозвался Илья.

Ничуть не растаяв, Олег проворчал:

– Она любит тебя, придурок. И она не подросток. Это не блажь, неужели ты не понял?

– Я тебе не придурок! Все я понял.

– Вот только не злись! Я у тебя тоже кое-что хотел спросить... Помнишь, когда я писал о тебе, там был такой вопрос... Что-то вроде того, как ты воспринимаешь чужой восторг, направленный на тебя?

– Я даже помню, что ответил. Что это не вызывает у меня приступа самолюбования. Так и есть, ей-богу!

Чуть помедлив, Олег добавил:

– И еще ты сказал, что сразу стал воспринимать это как должное. Как заслуженное по праву.

– К чему ты это сейчас?

– Чужую любовь ты тоже воспринимаешь как должное? Ты уже не считаешь это подарком судьбы?

Переложив трубку к другому уху, Илья резко сказал:

– Подарок – это то, что доставляет радость. Думаешь, много радости складировать все эти разбитые сердца? И потом я же не кинозвезда, ко мне не какие-нибудь сопливые чушки лезут, а все сплошь умницы. Я их гейшами к себе взял бы, ей-богу! Для интеллектуальных бесед.

– Пока беседовать с ними мне придется... С твоей Асей мы до утра проговорили, представляешь?

– Нет. Слушай, я тут сижу как на иголках... Может, это

магия какая-нибудь? Приворот или как там это называется?

Его терпеливый друг неожиданно вышел из себя:

– Хватит городить чушь! Если влюбился, так и признайся.

Что ты как пацан...

Устыдившись, Илья виновато спросил:

– А ты-то как? У тебя кто-нибудь есть сейчас?

– У меня всегда кто-нибудь есть, ты же знаешь.

– Она сейчас рядом?

– Не беспокойся, она уже спит. И потом, я же не называл тебя по имени, сплетни не пойдут... Что для тебя сделать, Илья?

– Вот и назвал...

– Она уже спит, говорю тебе!

– Слушай, что мне делать, а? – с тоской произнес Илья.

Помолчав, Олег предположил:

– Ты ведь все равно не разведешься?

– Ты в своем уме?! Нет, конечно!

– Тогда пройдет. Что там говорят насчет времени?

– Завтра я поеду к ней.

Олег выдохнул смех:

– Э, нет. До завтра ты еще не излечишься, приятель. Зачем тебе это?

– Ты сам сказал.

– Что? Что я сказал?

– Что я должен признаться себе.

– А, так ты все же влюбился... Но хоть что-то было?

– Мы свистели с ней на весь город и удирали от полиции. Чуть-чуть пофантазировали вместе. А потом я напился и отвел ее к тебе.

– Это я уже видел.

– Она сварила мне суп. Я целовал ее. А она захотела кушать мне булочек.

– Не густо. Это может и пройти.

– Что делать-то, черт побери?!

– Попробуй выждать. Не ездь к ней завтра. Тяни, как алкоголик: один день, еще один.

Илья улыбнулся:

– Этот прием я уже знаю... Она рассказала тебе о своей общине? Я понял, что их всех там удерживает. Возможность уйти в любой момент. Ведь на самом деле мы все страдаем клаустрофобией. В той или иной степени... Если бы этих ребят заставляли жить вместе, они наверняка уже разбежались бы и запили снова. Главное, что цементирует отношения, – это ощущение, что тебя никто к ним не принуждает. Ты сам этого хочешь. Бедную свободу уже столько раз проклинали в нашей стране, а ведь, как ни крути, без нее все мы – только рабы друг друга.

Олег решил перебить:

– С чего это ты вдруг заговорил о свободе? Тебя ведь устраивает твоя жизнь?

– Я полгода ничего не писал. А сегодня случилось.

После короткой паузы Илья услышал:

– Так вот в чем дело. Я так и думал, что просто любовь тебя так не зацепила бы.

– Это связано. Не разорвешь.

– Я понимаю. Так что ты решил?

– Я поеду к ней. Только вот Вика со мной просится...

У Олега вырвался удивленный возглас. Потом он предположил:

– А может, это как раз то, что нужно. Будет возможность сравнить и выбрать. Только Вику не обижай.

– Ладно, не учи меня жить, красавчик!

– Я смотрю, тебе полегчало?

– Кажется... Ну что, спокойной ночи?

– Уснешь?

– А что остается? На луну выть не собираюсь. Слушай... Спасибо тебе.

– Да не за что! – небрежно отозвался Олег. – Веди следующую.

– Да пошел ты!

Он отключил трубку и положил ее на стол. От мусорного ведра к раковине промчался маленький таракан, но Илья даже не рванулся за ним. Его внезапно перестало заботить то, что было связано с этим домом.

«А дети? – поймал он себя. – Нет. Дети – нет».

Илья стал думать о них, но поймал себя на том, что делает над собой усилие, притягивает воспоминания, пытаясь прикрыться ими, отгородиться от напугавших его слов о разво-

де. Он по-прежнему не допускал такого исхода, но то, что ему приходилось отделяться от этой мысли, которая так и лезла на ум, уже казалось предательством.

«Как было хорошо!» – Илья в панике хватался за очередное воспоминание. Дочке года четыре, сын тогда еще не родился, но Илья так торопил это событие, что уже покупал мальчишеские игрушки. Они играли с Катькой в охотника и тигра: вооруженная до зубов девочка привязала его бельевой веревкой к книжному шкафу – тому самому, что до сих пор стоял у него в кабинете. Тигр чудовищно рычал и рвался на волю, его ноздри жадно хватали запах мяса, выползающий из кухни, однако веревки держали его. Охотник уже подкрадывался, чтобы вспороть зверю брюхо, а хищник метался все неистовее. И вдруг увидел, как на краю шкафа показалась безмятежно-голубая голова глобуса. Тигр взвыл, пытаясь уклониться, но было уже поздно. Весь мир восстал против него...

Некоторые эпизоды, выпущенные памятью, корябали сердце. Как тот, который вспомнился, когда Илья тихонько сходил за гитарой и принялся почти беззвучно наигрывать новую песню, благо боль в руке уснула раньше его. Однажды, застав его с инструментом на кухне, сын бросил с усмешкой: «Бать, ты просто фанатеешь от самого себя! Ты же сегодня уже играл эту песню».

Илья тогда здорово обиделся, однако даже не одернул сына, зная: стоит ему повисить на Лешку голос, и перед гла-

зами тотчас возникнет картинка восемнадцатилетней давности. Тогда Илья не звонил домой перед тем, как вернуться, опасаясь, что телефон разбудит полугодовалого малыша. Он открыл дверь своим ключом, бесшумно вошел в комнату и остолбенел: на длинном раскладном столе, застеленном одеялком, сидел совершенно голый ребенок, его сын. В горестной позе – спинка сгорблена, плечики опущены, голова бессильно покачивается – просматривалось что-то стариковски-беспомощное. Заслышав шаги отца, Лешка поднял личико, и мокрые губки плаксиво потянулись книзу. Илья схватил мальчика, даже не сняв куртки, и задохнулся от незнакомой болезненной жалости.

– Я с тобой, я с тобой, – шептал он сыну, а тот даже не плакал, словно несколько минут одиночества иссушили его.

Илья накинулся тогда на жену, а та неуверенно оправдывалась: выскочила только на секунду, что-то зашипело на плите...

– Ты бросила его! – кричал Илья и ненавидел Вику, как никогда больше, ни до, ни после.

Острые и, казалось бы, взаимоисключающие чувства, пережитые Ильей в тот день, сплелись в клубок такой прочности, что время его не ослабило. И стоило рассердиться на сына, как горький комок немедленно разбухал в горле: он так одинок, а ты еще и пытаешься обидеть его.

На самом-то деле он старался не обижать никого. Чтобы не раздражаться на родителей, которые легко выводили его

из себя, Илья вообще перестал с ними встречаться, предоставив это брату. Даже то, что он переправлял влюбленных в него девушек Олегу Рябову, не было низостью. Ведь Илья наверняка знал: ничего плохого там с ними не случится, только по доброй воле... Это был изобретенный им способ лечения. Практически безболезненный.

Для себя самого Илья такого способа пока не обнаружил. И потому, уже засыпая, удивился, что за весь вечер его ни разу не потянуло выпить. А ведь это было если не лечение, то, по крайней мере, анестезия.

Зато с утра Илья напился обстоятельно и крепко. Не успела Вика затворить за собой входную дверь, а он уже стоял на бортике ванны, извлекая единственный канат, который мог накрепко привязать его к кровати и не отпустить в Город надежды.

– Я буду дома, – сказал он жене и собирался сдержать слово, хотя Вика наверняка не восприняла это как клятву.

Опять устроившись за кухонным столом, Илья наполнил стакан почти до краев. Никакой закуски ему не требовалось, ведь на этот раз он собирался выпить не в удовольствие, а во спасение. И нужно было приговорить всю эту новую бутылку, потому что меньшая доза не свалила бы его с ног.

– За Город надежды, который словно Китеж уйдет на дно этой посуды! – провозгласил Илья, подняв стакан, и радостно улыбнулся.

Самому Илье не особенно нравилась своя улыбка. Он находил ее неестественной, театральной. Виктория утверждала, будто ей он улыбается по-другому: тихо и мило. Илья терпеть не мог слова «мило», но жена настаивала, что в этом случае оно самое подходящее. Однако в такие минуты он себя не видел и знал свое лицо лишь по концертным записям. И оно не только не вызывало у него восторга, но иногда и раздражало. Тогда Илья в недоумении спрашивал себя: «Как можно влюбиться в такую мерзкую рожу?!»

Подтрунивая над ним и называя Илью «публичным мужчиной», Виктория даже не догадывалась, в какой степени ее муж зависит от той самой публики, в которой ей виделась только несчастливая соперница. Илья всегда подчеркивал, что он не кинозвезда, его работа больше обращена внутрь него самого, чем вовне, и все же молчаливый телефон действовал на него угнетающе. Когда звонки отвлекали от работы, он раздражался, но, если их не было вовсе, начинал сходиться с ума. Ощущение не востребоваемости подавляло его настолько, что он уже и писать ничего не мог, и музыки не слышал.

С самого детства Илья знал за собой эту почти физическую потребность быть необходимым. Тогда роль публики – обожающей, готовой принять на веру каждое его слово – выполнял Михаил. Те два года, что старший брат служил в армии, Илья провел в непрерывной депрессии. Когда появилась Вика, брат отмел естественные сомнения юного Ильи

железной рукой: «Ты не можешь вечно жить со мной. А ей я смогу тебя доверить. Это вполне земная женщина, такая тебе и нужна. Кто-то один в семье должен быть нормальным человеком».

В какой-то момент Илья поймал себя на том, что рассуждает об этом вслух, повторяя слова брата, но его сознание к тому времени уже стало настолько аморфным, что Илья тотчас выронил вожжи, дав себе полную волю.

Много позднее, вспоминая этот день, Илья не мог объяснить себе, каким образом все же добрался до Города надежды. Он был так пьян, что несколько раз заваливался под деревья, но не мог сообразить, в каком из городов это было. Ему запомнилось мутное окно электрички, за которым все слилось в одном мазке хмельного импрессиониста. И смеющееся, почти мальчишеское лицо... И собственный смех... Его давно перестало страшить, что кто-нибудь может узнать в едва живом балагуре Илью Романова. Ведь брат сказал: «Любому скорее придет в голову, что ты похож на Илью Романова».

Иногда ему мерещилось, будто они с Михаилом – подкидыши. По всем законам генетики они не могли родиться у таких людей, какими были их родители. Даже внешне оба сына выглядели выходцами из другого племени – высокие, широкоплечие, густоволосые. Рядом с ними щуплый, плосколицый отец казался пигмеем. Он был так молчалив, что Илья не помнил его голоса. Зато мать обычно пронзитель-

но гнусавила, и хотелось заткнуть уши. Она никогда не говорила о чем-то, всегда – ни о чем. Конечно, им и в голову не приходило учить младшего сына музыке. Мальчишка бренчит что-то на гитаре, доставшейся от покойного соседа, и пускай себе забавляется...

Первые песни Илья показывал только брату. Они прятались за длинным рядом разновеликих гаражей, по крышам которых в другое время носились с гиканьем и громоуханьем. Поозиравшись, Илья принимался тихонько напевать, а Михаил слушал затаив дыхание. В нем самом песни не звучали, и потому талант брата казался юному атеисту необъяснимой загадкой природы. Цепenea от восторга, Миша любовно пестовал мысль, что ему суждено беречь этот невиданный росток и помогать ему пробиться к солнцу из той серой плесени, в которой они родились.

Но, вернувшись из армии, Михаил обнаружил брата студентом исторического факультета и, несмотря на то что знал об этом из писем, опять пришел в отчаяние. Не выбирая выражений, он орал:

– На хрена тебе сдалась эта история?! Тебе же на эстраду надо! Не мог хотя бы в институт культуры поступить?

Илья же был так рад возвращению брата, что даже бранные слова ласкали ему слух. Блаженно улыбаясь, он отнекивался:

– Ну не мог, не мог! Слушай, Мишка, что-то мне надо узнать из прошлого, понимаешь? Нет? Я и сам не знаю что...

Этого он так и не узнал, ведь после первой сессии брат заставил его перевестись на эстрадное отделение института культуры. Музыкального образования у Ильи не было, и принимать его отказывались. Но Михаил, который к тому времени уже три месяца отработал в шахте и кое-что скопил, умело дал взятку и пристроил своего «мальца» на палубе корабля, отправляющегося в край заветной мечты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.